

Ежемесячный общественно-политический
и литературно-художественный журнал • №

3

1970

РАБОТНИЦА

ВЕРНЫЕ

Зимой кругом бело на Беломорье. Бела Двина, небо над ней тоже белесое от низких туч. Белы архангельские улицы, в тяжелом иглистом инее деревья.

С набережной имени Ленина, главной улицы Архангельска, окна домов глядят на белую Двину. Мимо домов, мимо окон бесшумно — без плеска — скользят по реке один за другим два парохода. Эта картина кажется тем более нереальной, что наперерез судам по тропе с того берега идут люди.

Из окон управления Северного морского пароходства хорошо видна вся эта картина.

— Как же они, люди-то? — спрашиваю я.

— А там есть мосточки, их быстро накидывают, да и лед сразу схватывается — мороз, — объясняет женщина, стоящая со мной у окна.

Северяне. Поморы. Жизнь очень многих архангельцев связана с морем.

— Эти суда последние, — говорит моя собеседница. — Нынче у нас навигация на два месяца раньше кончилась — уже в ноябре. Четыре парохода из моей группы были на Севере, так и не могли вернуться домой. Пошли во Владивосток.

Аза Степановна Степанова — групповой инженер-диспетчер службы перевозок и движения флота Северного морского пароходства.

Я слушаю, как она рассказывает о своей работе, а из головы не выходит картинка из детского издания книжки «Гулливер среди лилипутов». Гулливер, по колено в море, ведет за собой на связке тонких нитей маленькие лилипутские кораблики...

У Азы Степановны подобная же работа. Хотя сама она, такая уютная, женственная, ничем не напоминает Гулливера, а кораблики, которые она держит в своих руках, далеко не лилипутские, скорее, напротив, великанские, с первоклассными, мощными

Инженер-судоводитель Аза Степановна Степанова, диспетчер Северного морского пароходства.

Ноябрь 1923 г.

«ДОРОГОЙ ИЛЬЧИ

...ВЕРНЫЕ ТВОЕМУ ЗАВЕТУ ПОД РУКОВОДСТВОМ КОМУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ МЫ, АРХАНГЕЛЬСКИЕ РАБОТНИЦЫ — ДЕРЕВООБДЕЛОЧНИЦЫ, МЕТАЛЛИСТКИ, ВОДНИЦЫ, ПЕЧАТНИЦЫ, ТЕКСТИЛЬЩИЦЫ, ШВЕЙНИЦЫ И КУХАРКИ, — УЧИМСЯ УПРАВЛЯТЬ И СОЗНАТЕЛЬНО УЧАСТВОВАТЬ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ НАШЕЙ РАБОЧЕЙ СТРАНЫ.

СОБРАВШИСЬ В ДЕНЬ ПЯТИЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ I СЪЕЗДА РАБОТНИЦ И КРЕСТЬЯНОК, МЫ ШЛЕМ ТЕБЕ ГОРЯЧИЙ ПРИВЕТ. ВМЕСТЕ СО ВСЕЙ СОВЕТСКОЙ СТРАНОЙ МЫ КРЕПКО НАДЕЕМСЯ, ЧТО ТОТ МОМЕНТ, КОГДА ТЫ ЗДОРОВЫМ И ПОЛНЫМ СИЛ ВСТАНЕШЬ НА СВОЙ ПОСТ ВОЖДЯ, НЕ ЗА ГОРАМИ.

РАБОТНИЦЫ Г. АРХАНГЕЛЬСКА».

ТВОЕМУ ЗАВЕТУ

двигателями. Ну, и держит она их, конечно, не за веревочки, а на радиосвязи: групповой инженер-диспетчер руководит двадцатью лесовозами, где бы те ни находились — в Индийском океане или Тихом, по дороге в Англию, в порту Бомбея.

Каждые сутки в 18.00 суда выходят на связь с родным портом. И сейчас в плавании — двадцать судов ее группы. Долг маршрут парохода «Яналес». Он шел из Кореи в Галац. По пути зашел в Сингапур, чтоб пополнить запасы топлива. Оттуда в наш порт Одессу: взял там груз и доставил его в Александрию. Теперь, зайдя в Новороссийск, он с пиломатериалами отправится в Алжир... Только в конце мая придет судно домой, в Архангельск. Но прежде самого судна «проделает» весь его путь диспетчер. Посмотрит данные каждого порта и прикинет, подходят ли они по осадке судна, длине его и ширине. Определит вес и вид груза, который можно будет взять на борт, рассчитает экономическую выгоду всего рейса в зависимости от ставки фрахта. Профессия диспетчера на первый взгляд кажется самой романтической. Но главная его обязанность «купецкая»: уметь считать, быстро ориентироваться в том, выгоден ли груз, удобен ли маршрут, следить, чтобы судно не простаивало лишнего в портах, не ходило порожняком. Работа наших судов на перевозках между иностранными портами приносит нашей стране все больше доходов.

В прошлом году в тайм-чартер, так принято называть сдачу судов в аренду на определенный срок, ушли четыре лесовоза, подопечных Азе Степановне, нынче — 10. А на будущий год будет еще больше: группа пополняется двумя новыми кораблями: «Воронеж» и «Гусь-Хрустальный».

Я думаю, как звучат там, в далеких морях, родные нам имена старинных русских городов и рек. Наверное, для портовых мальчишек Марселя, Александрии, Бомбея, Роттердама, Нагасаки названия лесовозов «Кунгурлес», «Колымалес», «Шексналес», «Цигломень», «Индига» звучат заманчиво и загадочно, рождают мечту увидеть когда-нибудь нашу страну. Имена советских кораблей входят в память мальчишек вместе с густым, вольным, свежим запахом сосно-

вого смолистого дерева, запахом русского леса.

Но Аза Степановна возвращает меня «с моря на землю»: запах леса — это романтично. Однако выгоднее, когда лес, вывозимый на продажу, уже не пахнет. Когда он стал целлюлозой, бумагой. Древесноволокнистыми плитами. Разными спиртами. Картоном...

* * *

Слова Азы Степановны я вспомнила, осматривая картоноделательную фабрику Архангельского целлюлозно-бумажного комбината. Пока вступила в строй только первая ее очередь, но экспорт картона из Архангельска уже вырос на 91 процент по сравнению с 1968 годом.

— Англичане говорят: чтобы делать хороший картон, нужно иметь древесную массу, пар и 30 лет производственных традиций, — рассказывал мне парторг Архангельского целлюлозно-бумажного комбината. — У нас только один год традиций, но картон мы даем по качеству лучший в стране.

Я потом, каюсь, переспросила у знающих людей, правда ли, лучший, — да, оказывается, правда.

Только в душе не согласилась я с парторгом насчет возраста их традиций. Потому что еще раньше познакомилась и с отбелщицей Архангельского целлюлозно-бумажного комбината Пелагеей Дмитриевной Лисовцевой, которая пришла сюда в 1939 году. И пусть тогда не было в составе комбината картонной фабрики, рабочие традиции пришли на новую фабрику из других его производств. Потому что производственные традиции — это не только привычка к определенному виду продукции, не только навык, но и, это прежде всего, от-

ношение к труду, умение все делать добросовестно, в полную силу, от души. Эта основа комбинатских традиций заложена была еще в дни молодости Пелагеи Дмитриевны. А дни были военные, безжалостные. И варила она тогда с подругами пороховую целлюлозу для фронта. И смены были по 12 часов...

— Как держались? — задумчиво спрашивает она сама себя. — Лифтов, как теперь, в цехе не было, а башни обработки высотой в четыре этажа. Видели наши башни?

Да. Видела я эти гигантские башни, где обрабатывается целлюлоза: промывается, «облагораживается», отбеливается, хлорируется, — каждый процесс в особой башне. Я взлетела на четвертый этаж в лифте и спускалась по бесконечным железным лестницам, по которым в свое время бегали Лисовцева и ее подруги.

— Народу не хватало, — продолжает она. — Бывало, и поодиночке в ночь ставили. Не то что подремать, присесть боишься, — не за себя, тогда чего-то не берешься особо, — боишься, что массу просмотришь. У нас другая была технология, и масса могла уйти через верх башни, если температуру не доглядишь. Отбельщик должен смотреть за температурой, и за подачей пара, и за дозировкой хлора, каустика... Анализы приходилось брать — на жесткость, вязкость, зольность, смолистость... Всего одиннадцать. Вот и бегала вверх и вниз по этажам, не останавливаясь, когда одна.

Представила я маленькую, почти муравьиную, рядом с громадами башен фигурку человека, среди переплетений труб, в полусумраке ночного освещения — и жутковато

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАБОТНИЦА

Журнал основан 8 марта 1914 года

Издательство «ПРАВДА»

МАРТ 1970

мне стало. А Пелагея Дмитриевна, будто угадав мои мысли, засмеялась:

— Доведись сейчас, ни в жизнь бы не осталась ночью одна.

Смех у нее тихий, ласковый, как и вся ее речь, северный говорок — каждый слог будто круглый; спешат катятся катышками, один за другим. Так же спокойно, ровно поведала она мне об одном давнем случае, никак не выделяя свою в нем роль. «Просто вот было так, не выкинешь же слова из песни».

Из хлорного цеха, где готовят гипохлорит — вещество для отбелики целлюлозы, вырвался хлор. Газ потек по всему заводу.

— Платья на людях хлором разъедало, а мне-ка пришлось задержаться, вентили закрыть, чтоб масса в башни не поступала. Не то пошла б она через верх, как често из квашни, залила бы все этажи... Люди-то все убежали. Ничего, потом отдышалась, я рот и нос платком зажимала. Под душем отмылась. А уж платье-то бог с ним...

— После войны скоро новая техника пошла на комбинат. Сколько раз «переучивались», — вспоминает Пелагея Дмитриевна.

За освоение новой техники и наградили Лисовцеву орденом Ленина и Золотой Звездой Героя Труда, так и в наградном листе написано. Но на комбинате считают, что не только за рабочее мастерство ей эта награда. Пелагея Дмитриевна своим отношением к делу, надежностью своей, рабочей ответственностью заставляет тех, кто трудится рядом, быть лучше. Глядя на нее, стыдно работать спустя рукава.

Быстро меняется комбинат, сложное оборудование преобразило цехи и фабрики. Но даже Пелагея Дмитриевна, привыкшая к постоянной смене машин и механизмов, говорит с почтительным удивлением:

— Куда! Далеко не родня теперешнее производство прежнему! Картонная фабрика одна чего стоит!

Я видела эту фабрику. Собственно, это одна огромная машина, протянувшаяся чуть ли не во всю длину 800-метрового цеха. Красавица! Чистюля!

Процесс рождения картона происходит в недрах машины без участия человеческих рук. Молоденькие девушки и пареньки — операторы, слесари, которые ходят вдоль ее закрытого блестящего кожухом бока, пристально, с неослабным вниманием — тем же, что отличает Пелагею Дмитриевну, — следят за режимом работы машины.

Да, теперешние машины не родня прежним. Но то машины. А у людей есть память, традиции. И, надо думать, эти вот молодые рабочие удались в родню.

* * *

Познакомьтесь поближе с одной из молодых — ей всего двадцать два — бригадиром штукатуров Валей Змеевой, и вы убедитесь: в родню!

Валя работает в тресте «Солombsалабумстрой». Она произносит это слово со вкусом, весело, будто дробь отбивает.

Бригада Вали Змеевой знаменита в области: два года подряд держит первое место в соревновании комсомольско-молодежных бригад. Она не сдает работ с оценкой качества ниже «хорошо».

— Поэтому у нас и привилегия особая, — смеется Валя. — Где другие работать не соглашаются, мы идем. Помнишь, — она смотрит на подружку, — как «Якорь» (ресторан в Солombsале) отделывали? Он старый, деревянный, — объясняет она мне, — щели в потолке — мастерок проваливается. А раствор для дерева — с алебастром. Чуть прозвал — застынет, топором потом вырубай. Делашь, а пот ручьем! Между прочим,

Десятки, сотни гербариев нужно собрать и изучить, чтобы понять тайны «морских лугов»... Ксения Петровна Гемп и лаборант Валентина Потелова в лаборатории.

Герой Социалистического Труда Пелагея Дмитриевна Лисовцева.

поту могло бы быть и поменьше, а выработка побольше, особенно при работе с обычным раствором, — продолжает Валя. — Была я на всесоюзных сборах бригадиров комсомольско-молодежных бригад. Нас учили новым методам работы в городе Новокуйбышевске, есть там район экспериментального строительства. Так это ж было одно удовольствие! Раствор на стенку наносили шлангом с соплом: и потерь мало, и работать легче, и выработка растет. Ну, думаю, вернусь — у себя такие же сопла заведем! Но не тут-то было. Сколько ни убеждала я наших в управлении заказать

такие, никому дела нет. Для чего тогда и учебу организовывать? Людей дразнить? Вы там, в Москве, узнайте: где выпускают такие сопла? Как их достать? — просит Валя. — Обидно, что наши девчата работают вручную, когда техника есть. Такое мое соображение.

Свои соображения есть у Вали Змеевой — депутата областного Совета — кажется, по всем вопросам жизни — большим и малым. Волнует ее, например, что и как строить в родном поселке Солombsале.

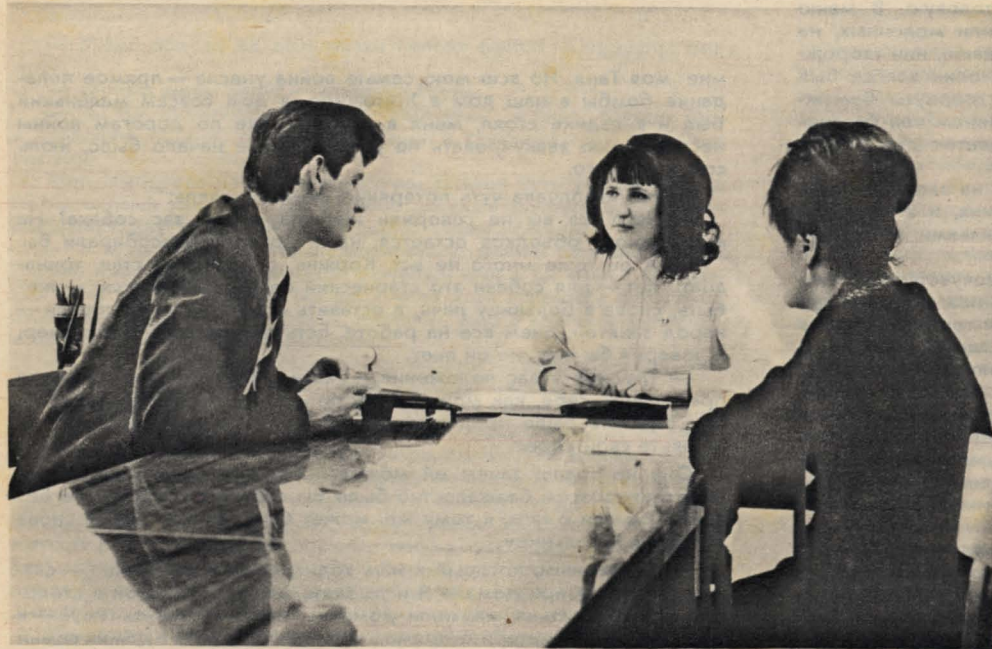
— Начинаем строить торговый центр, — рассуждает она. — Нужно, конечно. А дове-

Лидия Ивановна Корконосова изучает, какие виды растительности являются на вырубках.

Фото И. КОНСТАНТИНОВА.

Всесоюзная ударная комсомольская стройка «молодила» поселок Соломбала. Молоды избиратели — Евгений Сергунин и Зина Густева, молода и депутат Валя Змеева, к которой пришли они за советом.

дись до меня, я бы сначала за детские комбинаты взялась. На стройке людей не хватает и на ЛДК (лесопильно-деревообрабатывающий комбинат), а сколько женщин по домам с ребятами сидит?! Еще бы лесопильному заводу общежития построить. Такие, как наше: со всеми удобствами, с сушилками, душем! А то у них все старое, еще с тридцатых годов.

Свои мысли Валя не таит про себя. Не только выскажет на комсомольском или профсоюзном собрании. Она пойдет «куда нужно», как она выражается, и добьется. И душа в общежитии и места в детских я-

слях, если кому — зарез. И скажет об этом просто: «Решили. Пробили. Сделали. Руки-то свои».

И эти «свои руки», что говорится, золотые. В соревновании по профессии, которым закончился всесоюзный сбор в Новокуйбышевске, она заняла третье место.

Валя — депутат пока молодой. Работает первый созыв. Но на встречах с избирателями ее долго не отпускают: интересно рассказывает, толково отвечает. А она собой недовольна: надо учиться, чтобы «как следует разбираться в большой политике».

Смотрела я на Валушу и думала, какое перед ней широкое поле деятельности, и производственной и общественной, при ее-то молодости!

И представилось мне, что, может, вот такими, как она, мечтали стать ровесницы ее матери, когда обещали в письме Ильичу выполнить его заветы...

Валя тоже, конечно, еще только учится искусству управлять. Но она задумывается над делами общими, народными. И занимается ими. Она одна из миллионов. А ведь это и есть та самая «большая политика», которую имел в виду Владимир Ильич, когда писал: «Без привлечения женщины к самостоятельному участию не только в политической жизни вообще, но и к постоянной поголовной общественной службе нечего и говорить не только о социализме, но и о полной и прочной демократии».

* * *

Встретила я в Архангельске женщину, чей труд по-новому заставил звучать для меня привычное слово «строить». Они заняты «строительством» природы. В Научно-исследовательском институте леса и лесохимии, где работает Лидия Ивановна Корконосова, и в Архангельском отделении научно-исследовательского Полярного института рыбоводства и океанографии, где заведует водорослевой лабораторией Ксения Петровна Гемп, разрабатывают методы промышленного воспроизводства природных ресурсов края: леса, рыбы, водорослей. Работа этих институтов означает, что рядом с лесорубом и деревообделочником становится лесовод, рядом с рыболовом — рыбовод, а со зверобоем — «морской зоотехник» — специалист по тюленю и моржу. Чтоб не скудела природная кладовая страны.

...Не сосчитать, сколько километров прошла по северным лесам от Карелии до Урала Лидия Ивановна Корконосова, изучая, что мешает, а что помогает вырасти на месте больших вырубок новому лесу.

В последнем своем научном труде она разработала принципиально новые методы ухода за лесными посадками на вырубках, заросших травой вейником.

А в лаборатории Ксении Петровны Гемп исследуют морские водоросли, ищут способы их засева на дне морском. Это тоже важно для будущего — научиться самим создавать подводные плантации, которые, говорят, могут быть тучнее земных.

В семидесятые годы «строительство» природы становится важнейшей частью программы развития страны.

Все дни, пока я была в Архангельске, ходила по заснеженным его улицам, из головы не выходили слова, написанные работницами этого города Ленину много лет назад.

Те, с кем я познакомилась сейчас, — хоть и работают они на предприятиях, о которых тогда не слыхивали, и профессии у них такие, о которых раньше женщины и мечтать не могли, и жизнь у них совсем иная и даже перспективы роста, — разве они, Пелагея Дмитриевна, Лидия Ивановна, Валя, Аза Степановна, Ксения Петровна, не вправе подписать сердечные строчки своих старых землячек?

Строки, что 47 лет назад читал Владимир Ильич Ленин: «Верные твоему завету под руководством Коммунистической партии мы... учимся управлять и сознательно участвовать в строительстве нашей рабочей страны...»

Т. ПОЛИКАРПОВА

г. Архангельск.

Высотка

Шура поступила работать в столовую, и с самого начала все шло по-хорошему. Столовая была диетическая, приходили обедать люди, по той или другой причине нуждавшиеся в строгой пище. Шура сама посняла всегда, какие блюда полегче, и уже многие расположились к ней с ее отзывчивым характером. Шура знала теперь и Клавдию Ивановну, машинистку, высокую и худую, страдавшую повышенной кислотностью, и сухого, желчного кассира соседнего отделения Госбанка — Якова Семеновича, а в два часа дня садился за столик военный, вернее, бывший военный, но еще статный и подтянутый, хотя уже совсем седой, и Шура узнала позднее, что фамилия военного — Востряков, он не то подполковник, не то полковник в отставке, перенес два года назад тяжелую операцию, да и сам как-то предупредил ее: «Мне много есть нельзя... у меня почти половину желудка вырезали», — и Шура старалась приберечь для него что-нибудь попитательнее, а матери дома сказала: «Ведь это что же такое, если половину желудка вырезали... да и у Якова Семеновича не лучше, такая большая печень, что ни съест — от всего страдает», — и она жалела и машинистку Клавдию Ивановну с ее повышенной кислотностью, и Якова Семеновича с его большой печенью, а к Вострякову сразу испытала доброе чувство, и он смотрел на нее своими темными, чуть страдальческими глазами, или, может быть, примирившимися со всем тем, что выпало ему испытать в войну, да и после войны пришлось повоевать, только на этот раз со своим подточенным организмом.

Мать была довольна, что Шура хорошо устроилась, тянула дочь после смерти мужа, дотянула до восьмого класса, а дальше стало совсем трудно, и Шура поступила работать — сначала на молочный завод в Люберцах, куда на одну поездку взад и вперед уходило почти три часа, а диетическая столовая была близко от их дома, мать как-то прочла по дороге, что столовой требуются официантки, зашла поговорить с заведующей, та предложила, чтобы Шура заглянула к ней, и Шура, видимо, сразу понравилась ей своей молодой душевностью, — наверное, старательная эта маленькая, похожая на подростка девушка, с золотистыми вперемежку с пепельными прядями волос, причесанных не по-модному, а скромно, с милым пробором посредине. Заведующая пообещала, что первое время будет помогать ей, и Шура перешла вскоре с молочного завода в диетическую столовую. В меню столовой было больше всего овощных супов или молочных, на второе тоже что-нибудь легкое из овощей, или каши, или творожники, а на третье — компоты или кисели, ее столик всегда был чисто накрыт скатеркой, в вазочке аккуратно свернуты бумажные салфетки, а за цветком в горшке — цикламеном или бегонией — Шура сама следила, щупала землю, и цветок стеариново белел или розовел на ее столике.

Лето было жаркое, окна столовой выходили на западную сторону, после полудня солнце горячо стояло в них, и в столовой было душно, хотя и шелестели резиновыми крыльями два вентилятора.

— Трудно вам, милочка, в такую жару, — посочувствовала как-то машинистка Клавдия Ивановна, и Шура ответила: «Что же делать?», но и той, наверное, в такую жару не так-то легко стучать на машинке в редакции технического журнала, где она работала. А кассир Яков Семенович приходил совсем больной от жары, в меню даже не заглядывал, знал, что Шура и сама выберет что-нибудь полегче для больной его печени, и Шура, подавая ему, смотрела сверху на его седую, коротко остриженную голову, думала при этом, что в такую жару возиться с деньгами тоже не так-то легко, и совсем неверно говорится, что деньги не пахнут, — они пахнут человеческими руками, складывавшими или пересчитывавшими их да нередко к тому же еще и потными.

Востряков пришел раз совсем грустный или расстроенный чем-то, съел несколько ложек молочного супа, но только жидкое, а лапшу отодвинул в сторону, съел и клюквенного киселя совсем немного — две-три ложечки, а потом сказал, словно винясь, что не смог оценить ее, Шуры, заботы:

— Со мной неважно, Шуручка, ничего есть не могу... наверно, придется снова ложиться в больницу, — и она испуганно посмотрела на него, а он отвел свои страдающие глаза.

Вострякова звали Дмитрий Андреевич, Шура его имя знала, спросила быстро: «Что такое, Дмитрий Андреевич?», — и ей было жаль его, она уже привыкла к этому тихому, поврежденному войной человеку, и сколько, наверно, пришлось испытать ему!

— Бог знает, что там у меня внутри, — сказал Востряков, — только ничего хорошего нет там у меня внутри.

Шура выждала минуту, вздохнула: «Наверно, ваши близкие беспокоятся за вас», — и Востряков ответил с усмешкой:

— Из близких у меня только собака осталась — спаниель... с ушами до полу, такой добряк, и вот все думаю, что с ним без меня будет.

— Как это никого из близких нет? — спросила Шура.

— А так и нет... Была в свое время дочь, сейчас помогала бы

Вл. ЛИДИН

Рассказ

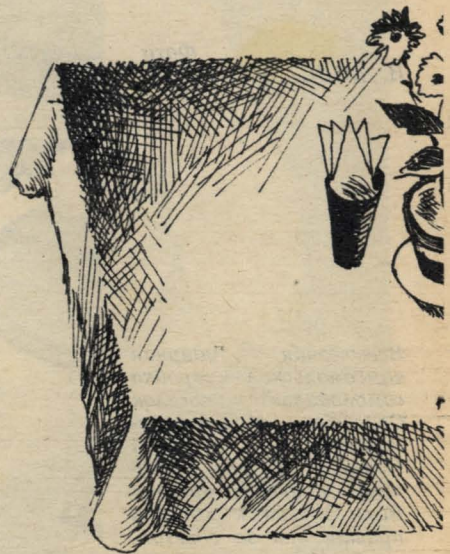

Рисунок О. ВУКОЛОВА.

мне моя Таня. Но всю мою семью война унесла — прямое попадание бомбы в наш дом в Житомире, а дом совсем маленький был и в садике стоял, меня в ту пору уже по дорогам войны несло, семью эвакуировать не успели, самое начало было, июль сорок первого.

Шура помолчала чуть потерянно, потом сказала:

— Чего же вы не говорили никогда, что у вас собака? На кухне много обедков остается, наши поварихи собирали бы.

— А он тоже много не ест, Коржик, старый уже стал, тринадцать лет — для собаки это старческий возраст. Придется, может быть, снова в больницу лечь, а оставить его не на кого, соседи — народ занятой, днем все на работе. Есть один старый пенсионер, я доверил бы ему, но он пьет.

— Трудное у вас положение, — сказала Шура, и она не могла представить себе, как может не остаться никого из близких, совсем страшно было представить себе это. — Вы на всякий случай оставьте свой адрес.

Она не знала, зачем ей может понадобиться его адрес, но как-то уж совсем безжалостно было бы отпустить Вострякова без всякой мысли о нем, к тому же, может быть, ему придется снова лечь в больницу.

— С военным, который к нам ходит, совсем нехорошо, — сказала Шура матери дома. — Я и то задумывалась: чего он в столовую ходит питаться, неужели дома не могут приготовить ему? — и она рассказала матери о прямом попадании бомбы в домик семьи Вострякова, — значит, почти с первых дней войны он один, Востряков, может, и сам искал смерть, да она обошла его... Мать извела, что такое война, четыре года дожидалась мужа, и каждое письмо от него сначала боялась распечатать: может, из госпиталя оно, и заранее страшилась увидеть на конверте чужой почерк.

Мать Ангелина Петровна работала прежде почтальоном на Центральном почтамте, и свой район — до Воронцова поля — знала, потом Воронцово поле назвали улицей Обуха, и в Музей искусств народов Востока тоже приходилось носить письма, нередко с цветистыми заграничными марками. Мать не только сама ждала письмо с фронта, но и разносила письма с фронта, солдатские треугольники, или не дай бог — казенное письмо, в которое, может быть, вложена «похоронка», и всегда страшно было носить такие письма, лучше поскорее сунуть в почтовый ящик на двери квартиры и уйти.

— У вас обедов на дом разве нельзя брать? — спросила она дочь.

— Отчего же — берут, — ответила Шура.

— Ты бы предложила своему военному: может, трудно ему в столовую ходить, относил бы ему в судочках, только улицу перейти.

Мать смотрела на нее сквозь очки своими чуть увеличенными под стеклами глазами, Шура знала доброту матери, всегда старавшуюся для кого-нибудь по своим силам, ответила:

— Я и сама насчет этого подумывала, только неловко как-то, словно уже совсем инвалидом считаешь его, а он еще с выправкой и не горбится ничуть на ходу, — да и за столиком Востряков сидел всегда прямо, как учили, наверно, еще в военном училище, и чтобы локти не лежали на столе.

— А ты спроси, — сказала мать, — спрос — дело не великое... Может, и откажется, зато твоя совесть чиста.

Мать всегда напоминала о том, что для человека самое главное — его совесть, можно и совсем плохо жить, но зато по совести; а когда умер отец, она тянула ее, Шуру, так всегда тянула, таскала свою тяжелую сумку — после войны и газет и журналов прибавилось, все словно набросились на них, перед подпиской и не протолкнешься к окошку, а на многие издания лимит был, другой раз и не подпишешься... тянула она дочь, дотянула до восьмого класса, сказала: «Поработаешь немного, потом и за десять классов сдашь», и Шура знала, что если мать сказала так, значит, на исходе ее силы и она не надеется на себя...

Два класса она, конечно, доберет, а сейчас нужно продержаться им, нужно облегчить матери жизнь с ее пенсией. И заведующая столовой Милица Павловна пообещала: «Доучиться сможете в вечерней школе, — я сама поспособствую вам в этом, а пока поработайте, у вас хорошо пошло, и посетители довольны вами». И, правда, некоторые из посетителей постарше звали ее дочкой, но это были те, кто не знал ее имени, а кто знал — звал ее Шурочкой.

В газете «Вечерняя Москва» появилось как-то письмо, в котором несколько посетителей диетической столовой хорошо отозвались о ней, похвалили и за хорошее обслуживание, это было немножко и в ее адрес, Шуры; письмо зачитали на производственном собрании, поварихи в своих белых халатах и белых колпаках тоже пришли послушать письмо, и все были довольны, что оценили их работу.

— Вот видите, — сказала Милица Павловна Шуре, — вы сначала

сомневались, идти ли к нам, но я сразу почувствовала, что вы добросовестная, у вас хорошо пойдет, а маму вашу я давно знаю, прямо-таки замечательный в нашем районе почтальон.

И Шуре было приятно, что сказали так про мать.

Шура предложила Вострякову, что может быть, ему будет легче брать обеды на дом, а насчет доставки можно будет сообразить, но Востряков отказался: «Пока похожу еще», — он не хотел сдаваться со своей гордостью, ходил выпрямившись, не позволяя болезни согнуть себя и за столиком сидел прямой, а его локти лежали пониже края столика.

После летних длинных дней жара постепенно спала, однажды над городом прошумела гроза, наутро встал синий, прохладный день, началась осень, хотя и солнечная, темнело, однако, все раньше и раньше, а потом подошли и утренники, и даже в столовой приходилось надевать под белый халат шерстяную кофточку.

Как-то одна из официанток протянула Шуре конвертик с надписью «Для Шуры», сказала: «Тебе, должно быть... другой Шуры у нас нет, — и Шура недоуменно надорвала краешек конверта, а внутри лежала совсем маленькая записка.

«Шура, — писал Востряков, — вы как-то предложили мне, что я смогу брать обеды на дом. Сейчас мне трудно ходить в столовую, и если можно наладить с этим, буду очень обязан», — и внизу был адрес: наверно, Востряков не надеялся, что она сохранила его адрес.

Шура пошла к Милице Павловне, показала письмо Вострякова, та знала этого давнего их посетителя, сказала:

— Нужно уважить просьбу, он все-таки воевал — товарищ Востряков.

Милица Павловна, чуть грузноватая в своем белом халате, однако со свежим, розовым лицом, подумала минуту, потом спросила:

— Как, управитесь без ущерба для работы?

Шура ответила:

— Постараюсь управиться.

И на другой день, не дожидаясь, что закажет Востряков, пошла к нему в судках молочный суп, паровую котлету и кисель из протертого крыжовника.

Востряков жил поблизости от их столовой, нужно было только перейти улицу Кирова с рекой автомашин на ней, пройти мимо чайного магазина, построенного в свое время в виде пагоды, дверь открыла ей девочка, крикнула: «Дмитрий Андреевич,

к вам!» А когда Шура внесла судки в комнату, к ней сразу же подошла черная лохматая собака с ушами до полу, по-человечески подняв голову, посмотрела на нее, а Востряков лежал одетый на диване.

— Это я, Шура,— сказала она.— Я вам из обеда сама выбрала, не знаю, придется ли по вкусу. — Но молочный суп Востряков любил, и паровые котлеты любил, она помнила об этом.

— Шурочка,— произнес он растроганно,— а я вот какой стал, инвалид сто девятнадцатой группы, а в больницу ложиться не хочется, лучше уж дома...— И он не добавил, что именно лучше уж дома.

Востряков лежал во весь свой большой рост, в пижаме, и, наверно, за всю его жизнь это была первая вольность, какую он позволил себе при посторонних. Шура поставила на столик рядом с диваном судки, сказала:

— Побегу — время обеда, а после шести зайду.

И она заторопилась, а Коржик проводил ее до самой двери, вежливый и, должно быть, добрый, со своими плоскими черными ушами почти до полу.

— Ну как? — спросила Милица Павловна, когда Шура вернулась в столовую.

— Отнесла. — Но Шура ничего не сказала о том, что изменился Востряков и кожа на лице обтянута, а если уж лежит — значит, от слабости, и ей было жаль его, так жаль, но заплакала она, лишь выйдя из комнаты Милицы Павловны в коридор, наспех вытерла щеки, пошла обслуживать посетителей, и Клавдия Ивановна с женской зоркостью заметила, что щеки у нее мокрые, спросила: «Что-нибудь случилось, Шурочка?» — но Шура только покачала из стороны в сторону головой, иначе она снова заплакала бы.

Яков Семенович, должно быть, тоже заметил, что с ней что-то не так, но ни о чем не спросил, съел перловый суп и рисовые котлеты, а доедая кисель, сказал вслух, но как бы самому себе:

— Всякое бывает в жизни. Человек должен уметь все принять, не одними киселями угощает жизнь, — но он знал, что Шура слышит это, и если слышит, пусть задумается над этим хоть и горьким, но необходимым правилом жизни.

После работы Шура пошла к Вострякову за судками, но почти все осталось в них нетронутым, он съел только немного супу, сказал: «Не в коня корм, Шурочка», — и такая грусть была в его словах, но она ответила возможно беспечно: «Не к лицу вам это, Дмитрий Андреевич... жизнь угощает человека не одними киселями, всякое бывает в ней», — словно была старше и опытнее его, вдруг ослабевшего духом и утратившего свою военную стойкость.

— Сядьте, Шурочка,— сказал он, и она села рядом с диваном, на котором он лежал, а Коржик подошел, положил морду на ее колени и стоял так, словно хотел выразить свое доверие к ней, стоял не шелкохнувшись, Шура погладила его по шелковистой голове, и он только теснее прижался мордой к ее коленям.

— Видно, скоро придется писать расписку в получении жизни, — сказал Востряков. — Принял, прожил — и подпись. У меня одна просьба к вам, к вашему милому сердцу просьба: в случае чего — я ведь вашу маму знаю, сколько лет она носила мне почту, Ангелина Петровна, я хорошо ее знаю, да и она меня знает, всегда жалел ее — я ведь и «Военные знания» и «Вопросы истории» выписывал, как ей тяжело было таскать очередные номера, — в случае чего, попросите маму, и на вас я тоже рассчитываю: не оставьте этого чудака... кому он нужен — старый, его и не возьмет никто, и страшно представить себе, что останется он на улице, в такое отчаяние придет, так заплачет, такая тоска...

Востряков говорил это, словно слышал голос осиротевшего без него Коржика, оставшегося на улице и никому не нужного, разве только кто-нибудь из детей с их нежной добротой пожалеет его, но родители все равно не позволят привести в дом собаку.

— Вы об этом, Дмитрий Андреевич, не думайте, — сказала Шура. — Вы об этом даже и не думайте... и мама велела передать вам: если ляжете в больницу, мы на это время вашу собаку возьмем к себе, а поварихам в нашей столовой я объясню положение, голодной она у нас не останется. У нас три поварихи — Гаврилова, Феня Бриллиантова и Тоня, они все хорошие, жалуют собак, я уже наблюдала это, так что, пока будете в больнице, вашему Коржику полный сервис обеспечен, — и она сама была довольна, что подвернулось это слово.

Востряков лежал, думал о своем, наверно, о таком трудном своем думал.

— Нет ничего важнее на свете, чем не ошибиться в человеке... ничто не сравнится с этим, а в войну я людей повидал, в самые роковые минуты повидал, и столько прекрасного все-таки, несмотря на жестокость. А иногда ведь только высоту захватить, всего одну высоту...

Может быть, он обращал это и к ней, хотел сказать, что иногда человеку нужно суметь захватить лишь высоту — и тогда

все кругом в его руках, следует только не пожалеть сил захватить эту высоту...

— Что вам завтра на обед принести? — спросила Шура, чтобы снова не заплакать. — Я наших поварих попрошу: что закажете, то и стоговят, вы только закажите. Хотите молочной каши с клубничным вареньем или творожную запеканку?

— Все съем, — сказал Востряков, — все, что принесете, съем, с тарелками, и с вилкой, и с ножом съем, и с чайной ложечкой съем, а если захватите парочку, то и парочку ложечек съем.

— Вот и хорошо, — обрадовалась она, ощутив некоторую живость в его голосе. — Я две чайных ложечки захвачу, съеште на здоровье.

А дома она сказала матери:

— Я от твоего имени пообещала сегодня, не знаю, как отнесешься к этому, но только отнесись по-хорошему, мама.

И она рассказала все о Вострякове и о его просьбе — в случае если его снова положат в больницу, присмотреть за собакой, ну что же делать, если у него не осталось никого на свете, а собака добрая, видно, и мать сказала:

— Да, я знаю ее, эту собаку... тысячу раз, когда приносила почту, видела, уши чуть не до полу, я хорошо ее знаю, — и Шура услышала еще и все то, о чем мать не сказала.

На другой день она заказала поварихам бульон, заказала и манную кашу, сама густо положила клубничного варенья поверх нее и понесла судки к Вострякову.

— Ну вот, — сказала она, ставя судки на столик рядом с диваном, на котором лежал Востряков. — Все, как заказали, и чайных ложечки две принесла, можете съесть с вареньем, — и она поставила все на столик и ушла: час был обеденный, осенью в столовой всегда больше народу, летом все-таки разъезжаются, хотя хватает и приезжих.

А когда после работы она вернулась за судками, Востряков лежал с закрытыми глазами, наверно, дремал, спросил: «Это кто?» — посмотрел на нее отчужденно, потом узнал, но из какого-то далекого далека, сказал: «Ах, это вы, Шурочка», — и снова закрыл глаза, а Шура заглянула в судки, огорченно упрекнула:

— Что же вы, Дмитрий Андреевич... ничего и не скушали, а ведь пообещали мне, — потом от соседки узнала, что приезжала неотложная помощь и, наверно, завтра же Дмитрия Андреевича увезут в больницу, а дела его плохи, так плохи...

Шура слушала ее, держала в руке судки — один на другом, сказала:

— Собаку мы с мамой возьмем на это время к себе... Мы Дмитрию Андреевичу пообещали, что возьмем к себе.

И соседка обрадовалась:

— Вот и хорошо... а то мы и не знали, что с ней делать. Днем все на работе, а с собакой выходить все-таки надо, и покормить вовремя нужно.

— Это мы с мамой обеспечим, — сказала Шура твердо, и она ушла, а в судках все осталось нетронутым, и ни одной чайной ложечки не съел вместе с клубничным вареньем Востряков.

На другой день Шура была свободна от дежурства, зашла в столовую только захватить еду для собаки, поварихи постарались, набрали чуть ли не полведра остатков, и она перешла улицу Кирова с ее рекой машин, а когда поднималась по лестнице, ощутила вдруг, что Вострякова уже увезли: может быть, остался какой-то больничный запах от носилок...

Дверь открыла та же девочка, которая пустила ее в первый раз, сразу же сказала: «Дмитрия Андреевича увезли в больницу». Шура прошла в его комнату, на полу, положив голову на вытянутые передние лапы, лежал Коржик, наверно, уже ни во что не верящий в своей жизни.

— Пошли, Коржик, — сказала Шура так, будто они уже не раз ходили вместе.

Он только поднял голову, посмотрел на нее, и она повторила: «Пошли», — взяла со стола поводок, защелкнула кольцо ошейника в карабинчике поводка, и Коржик поднялся и пошел следом, словно давно привык к ней.

Они спустились по лестнице, на улице Коржик не останавливался ни у одного фонаря, чтобы обнюхать его, ему было не до этого, он знал, наверно, что отныне начнется для него совсем другая жизнь, а того, кого он больше всего любил на свете, уже никогда не увидит, теперь осталась только она одна, Шура, и он шел рядом с ней, низко опустив голову, а его уши почти касались тротуара.

— Ну, вот мы и пришли, — сказала Шура, когда они вошли в дом, — вот мы и пришли, и поедим сейчас, а Феня и Гаврилова для нас уж постарались.

Она оставила ведро, присела на табуретку, ждала, когда зайдет мать, а Коржик подошел к ней, положил морду на ее колени, она стала гладить его шелковистую голову, а он все теснее прижимался мордой к ее коленям, потом словно замер на минуту, и она должна была понять, о чем он думает в эту минуту и на что надеется...

Идет симпозиум...

ЖИВЕТ И ПОБЕЖДАЕТ

Бахия Карам из ОАР представляла на симпозиуме женское Бюро Организации солидарности народов Азии и Африки. На снимке вы видите ее вместе с В. В. Николаевой-Терешковой.

Фото Ю. Каверина и А. Кудайло.

Выступает представительница героических женщин Южного Вьетнама Нгуен Тхи Ты. От имени своих соратниц по борьбе она преподнесла советским женщинам Красное знамя, на котором написано: «Вьетнамские женщины навечно благодарны великому Ленину».

В

глубине сцены встает из пламени алых гвоздик скульптурный портрет Ильича. Но не изваянный из камня, а живой Ленин — говорящий, думающий, заглядывающий в даль десятилетий — присутствует здесь сегодня.

Сюда, в Москву, в зал заседаний СЭВа, ленинский юбилей собрал представителей женских организаций двенадцати социалистических стран и всех союзных республик нашей страны: идет симпозиум «В. И. Ленин о роли женщины в обществе и опыт решения женского вопроса в социалистических странах».

Да, у стран социалистического содружества накопился достаточный опыт, который полезно обобщить, которым так важно обменяться — полезно и важно и для самих этих стран и не только для них. Не о том ли говорит уже сам факт, что на это большое собрание, созданное по инициативе Комитета советских женщин, прислали своих представителей и МДФЖ, и Всемирная федерация профсоюзов, и Всеафриканская конференция женщин, и женская секция секретариата Организации солидарности стран Азии и Африки, и Союз женщин за освобождение Южного Вьетнама...

«Учением Ленина озарена ныне жизнь миллионов и миллионов людей нашей планеты, — сказала, открывая симпозиум, председатель Комитета советских женщин В. В. Николаева-Терешкова. — Ленинизм ока-

зывает свое революционное влияние на весь ход мирового развития. Сила ленинизма в том, что он является невиданным сплавом революционной теории и революционной практики, что он интернационален и всеобъемлющ».

55 участниц и участников симпозиума выступили с докладами и в прениях — и речи эти были как рапорты Ленину и как живые доказательства верности его учения, его предвидения роли женщины в переустройстве мира.

Через все выступления участников симпозиума красной нитью прошла мысль В. И. Ленина, что «не может быть социалистического переворота, если громадная часть трудящихся женщин не примет в нем значительного участия». Социалистические перевороты произошли теперь уже на огромной части земли — и история не назовет ни одной из освободившихся стран, где бы революция обошлась без участия женских пролетарских масс.

«Именно ленинское доверие к наиболее забитой и угнетенной части пролетариата, — подчеркнула в своем докладе секретарь Московского городского комитета КПСС, кандидат исторических наук А. П. Шапошникова, — отношение к женщине как к мощному резерву пролетарской революции сделало ее сознательным, активным борцом не только за собственные интересы, но и за освобождение от эксплуатации всех трудящихся, за свержение власти капитала».

«Когда 9 июня 1923 года в Болгарии был совершен военный переворот и установлена фашистская диктатура, женщины ряда районов страны взяли за оружие, чтобы свергнуть узурпаторов, — рассказывала на симпозиуме научный сотрудник института истории Болгарской коммунистической партии Мария Ерелийска. — Женщины активно участвовали в организованном БКП первом антифашистском народном восстании за свержение диктатуры и установление рабоче-крестьянской власти. И поныне легендой звучат рассказы о героических подвигах Велы Писковой, Георгицы Карастояновой, Цолы Драгойчевой...»

Во время кубинской революции героически сражался с врагом женский батальон «Марианна Грахалес». Он участвовал во многих боях и победителем вошел в освобожденную Гавану. Об этом рассказала на симпозиуме член национального руководства Федерации кубинских женщин Каролина Агилар.

Всюду, где победивший народ брал на себя управление страной, женщина-труженица вставала в первые шеренги строителей новой жизни. Советская власть в России, равно как и революционные правительства других стран, где победил народ, первыми же своими декретами провозглашали социальное равенство женщин. С интересом слушали наши гости речи делегатов из советских союзных республик: ведь путь к пробуждению женщин бывших царских окраин был особенно тяжелым и сложным. «На нашем симпозиуме, — сообщила представительница Азербайджанской ССР Акима Султанова, — присутствует министр социального обеспечения республики Зулейха Сеидмамедова. Этот пост она занимает в течение 18 лет. Во времена войны Зулейха была летчицей и награждена многими боевыми орденами. Наградами правительства отмечена и ее деятельность на государственном посту».

Судьба Зулейхи Сеидмамедовой характерна для тысяч женщин советских национальных республик, преодолевших в кратчайший для истории срок многовековой

гнет предрассудков, невежества, бесправия и ставших истинными хозяйками жизни.

Социалистический строй — и только он — обеспечил, как завещал Ленин, подлинное равноправие женщины с мужчиной, и основа этого равноправия — участие женщины в общественном труде. Опыт нашей страны, где женщины составляют половину всех трудящихся, опыт любой другой из социалистических стран показывает, какой небывало активной созидательной силой стала при социализме женщина. В Монгольской Народной Республике, шагнувшей в социализм прямо из феодального строя, женщины составляют сегодня 30 процентов среди работников торговли, 41 процент среди учителей, 67 процентов среди работников здравоохранения. В различных областях хозяйственной и общественной жизни Социалистической Республики Румынии занято сейчас в 12 раз больше женщин, чем в 1930 году, при монархическом строе.

Нынче, казалось бы, излишни доказательства, что труд для женщин не только экономическая основа ее самостоятельности, но и благодатная нива для раскрытия ее способностей, для всестороннего развития и утверждения ее личности. Тем не менее именно в этом пункте чаще всего ищут уязвимые места буржуазные идеологи и иные противники подлинного женского равноправия. Выступившая на симпозиуме представительница Чехословацкого совета женщин Ольга Вацкова рассказала о том, как во время кризиса в ее стране правые ревизионисты пытались поднять на щит лозунг о возвращении женщины в домашнее хозяйство, как на этой почве враждебные элементы разжигали недовольство женщин политикой КПЧ и чехословацкого правительства. «Но оппортунистическая группа в бывшем Союзе чехословацких женщин, — сказала Ольга Вацкова, — группа, далекая от интересов работниц и крестьянок, не встретила поддержки у большинства женщин и оказалась в полной изоляции...»

Многие из выступавших на симпозиуме обращались к ленинским мыслям о том, как облегчить положение работающей женщины, как освободить ее от изнуряющей, отупляющей, малопродуктивной домашней работы. Да, остатки неравенства женщины в быту еще и в условиях социализма изжиты не до конца, и чтобы их одолеть, потребуются время и усилия — тем более что по мере удовлетворения одних нужд жизнь выдвигает все новые.

Но сделано, достигнуто, как отмечали делегаты из советских республик, из Венгрии и Польши, Корейской Народной Демократической Республики и Югославии, колоссально много. Поиск путей к наиболее полному освобождению творческих сил женщины продолжается во всех социалистических странах.

«В СССР стала самостоятельной отраслью народного хозяйства служба быта, — сказала в своей речи заместитель председателя Совета Министров РСФСР Е. Ф. Карпова. — За 4 года пятилетки на строительство и реконструкцию бытовых предприятий израсходовано более 2,2 миллиарда рублей. Система бытового обслуживания имеет свои научно-исследовательские институты и технологические бюро, сеть высших и средних специальных учебных заведений, профессионально-технических училищ. Фабрики, мастерские, комбинаты непрерывно оснащаются новой техникой».

«В городах нашей республики среди замужних женщин две из каждых трех заняты в производстве, — сообщила представительница польских женщин Ольга Ревинь-

ска. — Как облегчить женщине сочетание семейных обязанностей с ее общественной деятельностью, с работой на производстве? Эти проблемы прочно вошли в программу работы Национального совета польских женщин и действующей при совете комиссии по делам экономики домашнего хозяйства. Им помогают ученые, социологи, медицинские работники. Наше государство во многом взяло на себя и заботы о воспитании детей. В 1968—1969 годах в республике действовало почти 16 тысяч детских садов. Это означает, что в городах каждый второй ребенок, а в деревне каждый четвертый посещают детсад. Большое количество детей находится в полунтернатах. Ребята-учащиеся, у которых родители работают, пользуются школьными красными уголками, — их в республике 3,5 тысячи».

Представительницы разных стран отмечали роль советских женщин, последовательных интернационалисток, активных борцов за единство международного женского движения. Они с признательностью говорили о разносторонней помощи, которую советские женщины оказывают своим подругам за рубежом — о поддержке героических женщин Вьетнама в их борьбе с американскими захватчиками, о солидарности с арабскими женщинами, выступающими против наглых притязаний израильских экстремистов. На одном из заседаний симпозиума Валентина Николаева-Терешкова сообщила, что Комитет от имени женщин СССР заявил протест в связи с варварской бомбардировкой металлургического завода близ Каира, совершенной военными самолетами Израиля.

Участники симпозиума единодушно заявили, что женщины стран социализма будут и впредь решительно выступать за прекращение американской агрессии во Вьетнаме, оказывать всестороннюю помощь героическому вьетнамскому народу; они подтвердили позицию солидарности с народами арабских стран в их справедливой борьбе против израильской агрессии, поддерживаемой и поощряемой правительством США.

Московская встреча женщин в канун 100-летия со дня рождения В. И. Ленина — еще одно свидетельство того, что ленинское учение о социальном освобождении женщины, учение подлинно революционное, живет и побеждает. Это подтверждалось сотнями рожденных сегодняшним днем примеров, в любом выступлении по любому из вопросов, которые обсуждал симпозиум: женщина и строительство социализма; женщина и революционное, освободительное движение; женщина в семье и воспитании детей...

Наша гостья из ГДР Инге Ланге сказала, оценивая итоги симпозиума: «Наверно, каждая из делегатов испытывает то же чувство, что и я: как же велик и неисчерпаем Ленин, если в одной только области женского равноправия — и в теории и в практике — он сделал для человечества так много, как никто другой. Эта встреча помогла нам увидеть, что Ленин живет повсюду — в каждом деле, в каждой стране, в каждом из нас».

Делегатки выразили надежду, что симпозиум будет способствовать распространению учения Ленина среди женской общности различных стран мира, пробудит в самых широких массах женщин потребность изучать труды Ленина — этот неиссякаемый источник вдохновения и оптимизма, могучее оружие в борьбе против реакции и угнетения, за социализм и мир на земле.

М. ВОСКРЕСЕНСКАЯ,
А. ГЛАЗОВ

Ю. РАКША. МОЯ МАМА.

В тридцатом году моей маме было семнадцать. Со стареньким плетеным баулом и лоскутным одеялом в узелке деревенская девушка из Оренбуржья приехала на Магнитострой.

Это было неповторимое время первых пятилеток, молодости нашей страны. Образ того времени, прекрасного и трудного, через многие годы жизни донесла до меня мать. И мне захотелось посвятить картину ее трудовой юности. С 1965 года я стал обдумывать тему картины. Сам документальный материал, отражающий эпоху, передавал четкий ритм времени, был удивительно эмоционален.

Но как найти единственно нужный ключ к картине? Как лучше всего рассказать о том, что мне, именно мне, художнику, дорого в этой эпохе, о людях?

Они, как и моя мама, съехались на Магнитострой с разных концов необъят-

ной страны. Было неустроенно, голодно, трудно. Не хватало жилья, одежды, обуви. Но была убежденность и воля. Как показать их — прекрасных в труде, красивых и после долгого рабочего дня?

Я решил: пусть это будет общежитие. Многонаселенная девичья комната. Дощатые стены, железные койки. Мне не нужно было много бытовых деталей. Я оставлял лишь необходимое для характеристики героинь. Это девушки, среди которых могла быть и моя мама. Пусть они не спешат. Застынут в своих позах и дадут мне пропеть линии их загорелых рук и тел, уставших за день от лопат, ломов и тачек. Потому что в самой пластике для меня уже звучало то время.

Хотелось в картине показать и характерный силуэт Магнитостроя, с деревянными строительными лесами, рельсами

подъездных путей, выжженной от зноя землей.

Я далек от мысли, что в картине удалось все. Но если удалось хоть частично передать поэзию, которой окрашены для меня те годы, значит, я был на верном пути.

И еще я хотел, чтобы взгляд на картину рождал у зрителей размышления, ассоциации, тревожил память. Одна из главных задач и радостей творчества — свои раздумья выносить из мастерской, разговаривать со зрителем. А это возможно лишь тогда, когда говоришь об очень близком или пережитом.

Сейчас заканчиваю цикл картин «Русь неуходящая». В моих планах — писать о своем детстве и русских женщинах военного времени. И эти картины будут связаны с памятью о маме.

Юрий РАКША

Город Капошвар празднует 25-летие своего освобождения.

ДРУЖБЕ КРЕПНУТЬ

Братская дружба между венгерским и советским народами скреплена общим делом строительства нового общества, тождеством целей и интересов; это делает ее нерушимой. Наш народ чтит в советском народе своего истинного друга, который всегда стоял рядом с ним, — и в ясную и в пасмурную погоду...

Янош КАДАР, Первый секретарь ЦК Венгерской социалистической рабочей партии

Декабрьское утро дышит зимней свежестью. Ночью выпал первый снег. Шапками лежит он на ветвях деревьев, припорошил землю по обочинам дорог, прикрыл могильные плиты, под которыми спят вечным сном советские солдаты.

У памятника воинам-освободителям замерли в почетном карауле бойцы Венгерской народной армии и рабочей милиции. Вокруг люди. Много людей: старые, молодые, совсем юные. Жители города Капошвара пришли почтить память тех, кто четверть века назад отдал жизнь за их свободу.

Короткий митинг. К подножию памятника ложатся венки, букетики живых цветов. На каждой могиле, на ослепительно белом снегу, как капельки крови, алеют гвоздики...

Ровно 25 лет назад — 2 декабря 1944 года войска 2-го Украинского фронта освободили Капошвар. Сегодня город торжественно отмечает этот день. Улицы и площади в праздничном убранстве, развеваются на ветру венгерские национальные флаги, алеют советские. Гремит музыка. На площади выстроились воинские части. Молодые солдаты в присутствии тысяч людей дают военную присягу.

«Я... сын трудового венгерского народа... клянусь, не щадя жизни, защищать свою родину, Венгерскую Народную Республику, от внешних и внутренних врагов...»

Этим парням — воинам народной армии — есть что защищать! Область Шомодь (Капошвар — центр этой области) в прошлом была отсталой, нищенской провинцией Венгрии. Промышленности никакой, все земли у помещиков, основное население — батраки. Бывало, местные благотворители выставляли на площадях «от щедрот своих» котлы с похлебкой, и сотни нищих с котелками в руках выстраивались в очередь за подаванием.

Неузнаваемой стала область за годы народной власти. Выросла многоотраслевая промышленность — Шомодь производит химическое оборудование, сельскохозяйственные машины, электроприборы, телефоны. Хорошо живут крестьяне — большие доходы получают кооперативы. До освобождения в области было всего 4 средние школы, да и те в ведении церкви. Сегодня здесь средних школ 19, все дети учатся, в любом селе есть Дом культуры, библиотека, кинотеатр.

Судьба этого края, так круто, так счастливо изменившаяся всего за четверть века, неотделима от судьбы всей страны.

Под руководством Социалистической рабочей партии народная Венгрия успешно идет вперед по пути построения социалистического общества. В семь раз больше, чем в 1938 году, дает продукции венгерская промышленность.

В результате земельной реформы 642 тысячи крестьянских семей получили от государства 1 миллион 900 тысяч га земли. В производственных кооперативах состоит сегодня более миллиона человек.

В довоенной Венгрии женщине из народа приходилось много и тяжело трудиться. Кем она была? Батрачкой, поденщицей, прислугой, чернорабочей. А сегодня среди работников венгерской промышленности 40 процентов женщин. Характерно, что многие тысячи из них заняты не только в легкой или пищевой промышленности, но и в машиностроении, в приборостроении.

Привлекая женщин к активной трудовой и общественной деятельности, народная власть постоянно заботится об улучшении их быта. За четверть века в три раза больше стало в стране детских садов, а количество детских яслей выросло в 30 раз.

Значительны достижения народной Венгрии и в области культуры, образования. Когда в декабре 1944 года в Дебрецене было образовано Временное национальное правительство (в Будапеште в это время еще шли уличные бои), одной из первых мер его был декрет о создании общеобразовательных восьмилетних школ. Сегодня в них учатся около 1 300 тысяч детей. А более 220 тысяч учащихся — в гимназиях, специальных средних школах и техникумах.

Мы, советские люди, радуемся всем этим большим свершениям. Между нашими народами и партиями наших стран сложились и постоянно развиваются дружеские, сердечные отношения, основанные на непоколебимой верности великому ленинскому учению.

Рождалась эта дружба еще в дни Великого Октября. Тысячи венгров-интернационалистов сражались в годы гражданской войны в Красной Армии, отстаивая от врагов молодую Советскую Россию. Мы с огромным уважением вспоминаем мужественного венгерского коммуниста Бела Куна, к которому с такой симпатией относился Владимир Ильич Ленин. Никогда не забудем мы венгерского офицера, храброго красногo командира, писателя Матэ Залка.

Весной 1919 года, когда рабочий класс Венгрии одержал победу и создал Венгерскую советскую республику, в рядах ее защитников от мирового империализма были русские интернационалисты. Трудящиеся Венгрии никогда не забывали об этом.

В 1945 году, победно заканчивая битву с фашизмом, Советская Армия принесла венгерскому народу избавление. Венгрия была настолько разорена гитлеровцами, что казалось почти невозможным восстановить нормальную жизнь. Но советский народ, и сам тяжело пострадавший в войну, по-братски помог венгерским трудящимся ступить на ноги и начать строительство народной Венгрии...

«Дружба — Баратшаг!» — эти слова одинаково близки и дороги и советским и венгерским людям. Наши народы всегда вместе, рядом в великом походе за коммунизм.

Наши встречи

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ В НАРОДНОЙ ВЕНГРИИ... КАК МНОГО ВМЕСТИЛИ ОНИ В СЕБЯ ВПЕЧАТЛЕНИЯ, ВСТРЕЧ, ЗНАКОМСТВ.

НА ЭТИХ СТРАНИЦАХ НАМ УДАЛОСЬ РАССКАЗАТЬ ЛИШЬ О НЕКОТОРЫХ ИЗ ЭТИХ ВСТРЕЧ. НО ВСЕМ, КОГО МЫ УЗНАЛИ, С КЕМ ПОДРУЖИЛИСЬ, ВСЕМУ ТРУДОВОМУ НАРОДУ ВЕНГРИИ ШЛЕМ ОТ ЖУРНАЛА «РАБОТНИЦА» ГОРЯЧИЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ С 25-ЛЕТИЕМ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ФАШИЗМА.

Е. ТАРАСОВА, З. ТИМОФЕЕВА, Н. МАТОРИН

«НЕ ПЕРЕДАВАЙ ПЛОХУЮ РАБОТУ ТОВАРИЩУ»

Это главный принцип в работе коллектива Будапештской трикотажной фабрики. Предприятие — крупнейшее в Венгрии, его изделия пользуются большим спросом; они экспортируются в разные страны, в том числе и в Советский Союз.

Большинство работниц — молодые девушки. Иштван Барань, директор, относится к ним с отцовской заботой. Молодые, а за ними и все остальные мастерицы называют своего директора папой. Об этом улыбаясь рассказала нам черноглазая, тоненькая Анна Завич, секретарь комитета комсомола. Ее вы видите на снимке.

Мы провели на фабрике несколько часов, согреты дружелюбием и искренним желанием показать нам как можно больше. Директор Иштван Барань, секретарь парторганизации Дюланэ Бираш и председатель профкома Петерне Петлянский ввели нас по цехам, знакомили с передовыми бригадами.

У каждой бригады есть дневник. Мы с интересом перелистали некоторые из них. Бригады в основном женские, дневники немаложко напоминают своей чистотой, изяществом девичьи альбомы.

Первым попал в наши руки дневник, который начинался с перечня обязательств, взятых бригадой. Здесь пунты, призывающие к стопроцентному выполнению дневных заданий, и экономии пряжи («ни сантиметра не оставлять на бобине»), и повышению качества («не передавай плохую работу товарищу»).

В дневнике другой бригады мы увидели таблицы, показывающие, как работницы выполняют план. Были там и рассказы о собраниях бригады, о том, как девушки праздновали 20 августа — День Венгерской конституции. Рядом с образцами изделий, выполненных работницами, аккуратно приклеены билеты в кино. Значит, развлекались всей бригадой. Странички с яркими рисунками. Одна рассказывала о том, как праздновали Новый год (как раз получили звание бригады социалистического труда), другая — о том, как все девушки, которых зовут Илонна, отмечали сообща свои именины. А третья страничка — о коллективном походе на выставку итальянской живописи.

И снова сообщения о производственных победах. Два члена бригады получили звание «отличник производства легкой промышленности», а также денежные премии и значки.

...Перед отъездом директор пригласил нас на просмотр моделей одежды, выпускаемой фабрикой. Модельерами были сами работницы. Надо было видеть сияющие лица юных манекенщиц, с удовольствием показывали они дело рук своих.

АНГЕЛ СВОБОДЫ И МИРА

Эржебет Турански сидела почти посередине гостиничного номера в кресле, повернутом к стороне окна, — так распорядился наш фотокорреспондент — и вспоминала. Вспоминала о встречах со скульптором Жигмондом Кишфалуди-Штроблем. ...Это произошло в 1945 году. Она в то время, как, впрочем, и теперь, жила в провинции. Работала медсестрой (сейчас — ассистент рентгенолога в санатории города Шопрон) и приехала в Будапешт всего на один день.

Погода была хмурая. Зябко переминалась с ноги на ногу, она ждала трамвая. Но его почему-то не было. С грустным интересом оглядывала израненный войной город, в котором приходилось бывать не так уж часто, и тут увидела бегущего что есть мочи к трамвайной остановке человека. Эржебет была удивлена, когда незнакомец подбежал к ней:

— Это прекрасно, что я вас все-таки настиг! Ведь я иду вас по всей Венгрии.

Ничего не понимая, она смотрела на странного человека.

— Но я знал, определенно знал, что рано или поздно встречу вас, — продолжал он, кружа вокруг и не сводя с нее восхищенного взгляда.

Заметив ее замешательство, незнакомец объяснил, что он скульптор, что несколько месяцев назад задумал скульптурную композицию, в центре которой должна стоять фигура женщины, держащей в поднятых вверх руках пальмовую ветвь. И она, Эржебет, удивительно подходящая натура для его замысла.

— Я могу сделать вас ангелом мира. Хотите? — спросил он, улыбувшись.

Вспомнив скульптуры, которые приходилось ей видеть в музеях, Эржебет испугалась: а что, если этот случайно встреченный ею человек захочет лепить обнаженную натуру?

— Спасибо. Но я никак не смогу помочь вам: меня отпустили с работы всего на один день. Живу я не в Будапеште.

Он внимательно посмотрел на нее и, возможно, догадавшись,

что ее тревожит на самом деле, пообещал:

— Лепить я вас буду в длинном, до пят платье. А о работе не беспокойтесь: я все улажу.

С этого дня она стала ежедневной гостьей мастерской скульптора Штробля.

Для три он не приступал к работе, обучая ее, как следует держать голову, руки, как стоять. Объяснял ей свой замысел: «Я хочу, чтобы ваш облик передавал радость, гордость и благодарность советским воинам-освободителям».

Ученица оказалась способной, и уже на четвертый день скульптор предложил ей облачиться в туннику из кремового шелка, включил и повернул в ее сторону вентилятор, чтобы ткань ложилась красивыми складками...

С тех пор прошло 25 лет. Но и сегодня, глядя на сидящую перед нами стройную женщину в глухом коричневом платье, поражаемся точности выбора художника. Эржебет действительно необыкновенно скульптурна. И пластична.

— Какие чувства вы испытали, увидев себя воплощенной в бронзу? — спросил кто-то из нас.

— Я получила приглашение на открытие монумента, — ответила Эржебет, — но в тот день приехать не смогла. Увидела статую Свободы в один из более поздних приездов в Будапешт. Поднялась на гору Геллерт и долго стояла у скульптуры, не решаясь взглянуть на нее.

— Но в конце концов взглянули?

Эржебет, улыбаясь, кивает... Не только светлые минуты связаны для Эржебет с памятником.

— В 1956 году, когда подняла голову контрреволюция, враги пытались уничтожить монумент. Они грозились и меня убить, — рассказывает она. — Я тогда по-настоящему поняла, что врагам ненавистно даже искусство, говорящее о дружбе наших народов. Я поняла, что и скульптура может стать борцом.

ДЯДЯ ЛАЦИ

С Ласло Пете, или дядей Лаци, так уважительно зовут его все в районе, мы познакомились в селе Тисавашари, что в области Саболч-Сатмар. Знакомство началось с того, что дядя Лаци достал из кармана аккурратно сложенную, но изрядно пожелтевшую от времени бумажку и протянул ее нам. Справка свидетельствовала о том, что Пете Василий первым встретил советских разведчиков и указал, где заминирована дорога. Справку подписал командир роты, фамилию которого, к сожалению, не разобрать.

— В начале октября сорок

СЕКРЕТАРЬ ОБКОМА

Область Пешт в Венгрии самая населенная, да и по площади занимает третье место: 10 уездов, 5 городов, более 200 сельскохозяйственных и промышленных коопераций, 14 госхозов, крупнейшие предприятия, широкая школьная сеть, курорты по Дунаю. Словом, хозяйство большое и достаточно беспокоеное. Ференце Червенка — она уже восьмой год возглавляет партийную организацию области — увлеченно рассказывает:

— Мы готовимся достойно встретить юбилей своей республики и столетие со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Оба эти юбилея взаимосвязаны. Ведь двадцатипятилетие освобождения Венгрии от фашизма мы будем отмечать как победу социализма, а значит, и как победу ленинского учения. Коллективу — победителю в предъюбилейном соревновании будет вручено переходящее Красное знамя обкома партии и облисполкома. Особо отличившихся тружеников награждают памятной юбилейной медалью.

Будет большая юбилейная выставка — области есть что показать! Праздничные дни запомнятся и многотысячными шествиями и митингами, и кинофестивалями...

Ленинскому учению будут посвящены научные сессии, состоятся лекции, беседы о Ленине. В нескольких городах и селах будут открыты памятники Владимиру Ильичу...

Нас, естественно, интересует, как обком партии решает вопросы, связанные с трудом женщин, с развитием женских кадров.

— О, это для нас очень важно, — отвечает Ференце. — Партийные организации уездов провели недавно тщательную проверку условий труда женщин в сельскохозяйственных коопера-

тивах. На бюро обкома партии определили, что надо срочно сделать. Постоянно интересуется бюро обкома и работой областного женского совета.

Стараемся больше выдвигать женщин на руководящую работу. Первыми секретарями уездных и районных комитетов партии у нас работают три женщины, четверо руководят крупными кооперативами, много женщин — членов правления кооперативов, бригадиров, председателей сельсоветов. И надо сказать, что все они добросовестно относятся к делу...

Насколько охотно Ференце Червенка рассказывает о жизни Пешта, о планах на будущее, настолько нехотя и скупко говорит о себе. Узнаем немного: короткие, почти анкетные сведения.

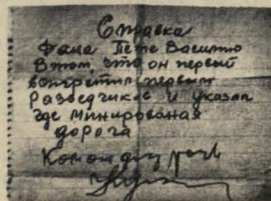
До войны работала на текстильной фабрике — девчонка на побегушках. Отец — рабочий, кожевник, коммунист с 1936 года, он-то и приобрел дочь к рабочему движению. После освобождения Венгрии от фашизма работала в молодежном, потом в женском демократическом движении. С 1948 года Ференце на партийной работе. В Центральном Комитете, в Будапештском горкоме. И вот — первый секретарь обкома партии.

О том, что общественные заботы не мешают Ференце быть хорошей женой, хозяйкой, нежной матерью, а теперь еще и заботливой бабушкой (у нее двое взрослых детей и внук Янош), нам рассказали еще до того, как мы переступили порог ее кабинета.

...Короткой была наша встреча, но вышли мы из кабинета секретаря обкома под впечатлением от знакомства с обаятельной венгерской женщиной, коммунисткой.

четвертого года, — вспоминает дядя Лаци, — я дезертировал из хортистской армии и вернулся в родное село. Советские войска вели наступательные бои. В конце октября советские конники и танкисты освободили наконец наш областной центр город Ньиредьхаз.

Первого ноября немцы оста-

вили и наше село, пытались прорваться к Тисе, — продолжал дядя Лаци. — И когда пришли советские разведчики, я показал им, где заложены мины. С тех самых пор и хранится у меня эта бумажка как память о днях, когда и нам пришло освобождение. Никому раньше не показывал я эту справку, а сегодня вдруг решился. «А что, — подумал я, — если напечатаете вы про эту справку в журнале, может случиться, что найдется тот командир роты, который писал ее. Пригласим тогда мы его к себе в гости, расскажем и покажем, как теперь живем».

Помолчав, дядя Лаци загворил снова:

— Да, многие из нас очень скоро поняли, что пришли советские солдаты в Венгрию не

ПОМОЩНИЦЫ ПАРТИИ

Помните фильм «Альба Регия» — о советской разведчице-радистке? События, о которых идет речь в фильме, происходили здесь, в городе Сенешфехерваре, который раньше называли Альба Регия. Нам очень хотелось познакомиться с доктором, в доме которого скрывалась наша разведчица, но не повезло: доктор был в отъезде. Зато венгерские друзья показали нам дом, откуда вела передачи смелая радистка, улицы, где шли жаркие бои в 44-м.

Сенешфехервар — центр области Фейер. Мы побывали в областном совете женщин. Нас встретила секретарь совета. Ее все зовут Ирэнка, официально же она Йозефне Ковач, то есть жена Йозефа Ковача (так издавна ведется в Венгрии: девушка, выходя замуж, принимает не только фамилию, но и имя мужа). В совете собрались активистки. Тут и работницы, и крестьянки, и врачи, и учителя, и юристы. Они пришли, чтобы поделиться с нами опытом работы среди женщин.

О том, как помогают работницам на фабриках и заводах овладевать своей специальностью и работать без брака, о том, как в сельскохозяйственных кооперативах добываются высокие урожаи, а в личных хозяйствах учат женщин успешно заниматься птицеводством — не случайно в Венгрии 80 процентов государственных заготовок яиц дают приусадебные хозяйства крестьян — шла здесь речь.

Рассказали нам и о шефстве над детскими садами, над домами для престарелых.

Большое внимание уделяет областной совет политическому воспитанию женщин. Йозефне Ковач рассказала, что в городах и больших селах работают постоянные лектории, их называют женскими академиями. Специалисты разных отраслей знаний выступают перед слушательницами два раза в месяц. Цикл состоит из 12 лекций на политические, педагогические, медицинские, литературные и другие темы.

Растет у женщин интерес к вопросам международной жизни. В прошлом году в подарок вьетнамским подругам они сшили 527 шерстяных одеял. Участвовали в этой работе тысячи женщин. Каждое одеяло состояло из множества квадратов. Их вязали отдельно, а потом сшивали... Готовясь к своему

юбилею, женщины области Фейер в подарок советским женщинам вышивают скатерть по народным мотивам, снимают на общественных началах фильм о своей жизни. Сельские женсоветы приготовили знамя, состоящее из сотен ярких лент, и на каждой любовно вышиты слова благодарности советским воинам-освободителям.

Эту женщину зовут Шандорне Хорват. Она тоже возглавляет областной совет женщин, только в области Шомодь.

...Эржебет была девочкой, когда тяжело заболел отец. И так нелегко жилось семье батрака, а теперь пришлось дочке идти работать. Она хорошо помнит, каким трудом доставались ей деньги, чтобы содержать семью. Она испытала и бесправие и нищету.

Сегодня Эржебет — Шандорне Хорват — коммунистка, уважаемый в стране человек, депутат парламента.

Много интересного и ценного в работе совета женщин об-

ласти Шомодь. Об одном начинании хочется рассказать особо. Как-то Эржебет в беседе с нами назвала: «Детский сад для старичков». Детский сад и... старички? Мы решили, что не поняли перевода. Оказалось, что перевод был правильным.

Для пенсионеров и инвалидов, у которых нет родных и близких, открыты специальные интернаты.

А как быть с теми, кто не хочет жить в интернатах постоянно, хотя и нуждается в уходе? Возникла мысль создать учреждение, куда бабушки и дедушки могли бы приходить на день. Такое учреждение было открыто.

— Названия ему мы пока не придумали, — говорит Эржебет, — а в шутку детским садом называем.

Пришли мы в этот «сад» и вечеру. Нас радушно встретили его почтенные обитатели.

Приходят сюда старики утром и в 9 часов. Завтрак, прогулка на воздухе, а потом каждый может заняться своим делом — шить, вязать, вышивать, работать в саду, столарничать, если есть еще силы и глаза хорошо видят. Есть тут книги, журналы — сам читай или послушай другого... Пообедали, теперь можно поспать — к этому времени приготовлены постели. После ужина все расхаживает по домам. Хорошо организована медицинская помощь: врач бывает регулярно, не надо старым людям идти в поликлинику.

Такое учреждение — первый опыт. Но опыт, заслуживающий внимания...

Не на городской площади — в мастерской скульптора Ласло Мартона увидели мы будущий памятник Владимиру Ильичу Ленину. Он еще не был завершен — лицо только угадывалось. Но уже чувствовалось своеобразное, ленинское — в повороте головы, в распахнутом, словно ветром, пальто...

Хозяин мастерской показал нам готовый эскиз памятника. В конкурсе на лучший скульптурный портрет В. И. Ленина, посвященном юбилею вождя, Ласло Мартон получил за эту работу первую премию.

Наша
Компета

ГОРОД — МОЙ! ДОМА — МОИ!

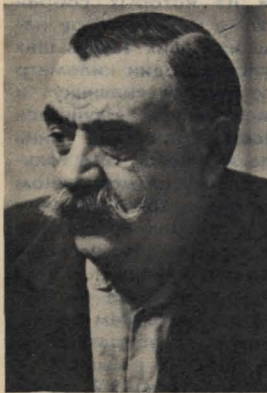
Они ровесники: один из самых молодых городов Венгрии, Дунайварош, и его старейшая жительница Габриэла Ежен. И городу и девушке нынче по двадцать.

Габриэла не помнит только самого начала, когда ее родители вместе с сотнями таких же, как они, энтузиастов приехали, чтобы на месте крохотной деревушки Дунапентель строить металлургический комбинат, а рядом закладывать новый город.

Зато она отлично помнит, как застраивались прямые, просторные улицы, поднимались новые дома один современнее другого, как росли школы, гостиницы, кафе, клубы, кинотеатры. Помнит, как строился Дворец культуры. Тот самый, где проходила комсомольская конференция металлургического комбината, на которой Габриэлу вторично избрали в комитет, и где мы впервые встретились с ней.

Девушка как о личных успехах говорила о том, как растет на комбинате плавна чугуна и стали, выпуск проката и труб. О том, что в ее родном городе уже более 50 тысяч жителей, что появились новые предприятия: целлюлозный завод, камвольно-прядильная, швейная фабрики, домостроительный комбинат.

Габриэла выросла вместе с городом. Здесь она окончила школу, электромеханический техникум и теперь работает на комбинате электромехаником. Она, как и все без исключения жители Дунайвароша, любит свой город, гордится им.

как завоеватели, а как освободители. Помнится, советское командование обратилось тогда к населению с воззванием приступить к мирной работе и обещаю всяческую помощь. У нас и сегодня хранится документ, подписанный советским военным комендантом, о безвозмездной передаче населению трехсот голов скота. Помню и другое — как тот же комендант дал распоряжение освободить все школьные помещения, занятые под госпитали. «Дети должны учиться», — сказал он.

Ну, а что было потом? В марте сорок пятого начался раздел земли между крестьянами, и меня председателем комиссии назначили. Партийную организацию в районе создали. Начали строить новую жизнь.

они не дорожили — откровенно говорили, что пришли только за стажем для института, делали много брака, отлынивали от работы. Когда Нина Михайловна перешла к ним, в первый же месяц ее заработок уменьшился более чем вдвое. Но она не бросила своих учениц, терпеливо открывала перед ними тонкости и увлекательность монтажного дела, старалась, чтоб поняли, как ждут их продукцию на стройках. И девушки полюбили свою работу, подружились с Ниной Михайловной. А бригада стала одной из лучших и дружных на ХЭМЗе. И в институт они поступили. Но только не на дневное отделение, как собирались когда-то, а на вечернее и заочное. Сегодня многие из них — Света Хитева, Жанна Константиновская, Таня Кийко — уже стали инженерами. Все они пришли поздравить Нину Михайловну с такой высокой наградой. Но особенно дорого ей было поздравление отца, старого кузнеца. От него Нина Михайловна унаследовала любовь к технике, это он корень, основа их рабочей династии.

Поздравил и порадовал ее и сын Сергей. К этому времени он получил самый первый, начальный разряд слесаря-сборщика. Конечно, далеко ему еще до мамы, но главное — начать шагать по рабочей дороге.

Сегодня обычный рабочий день. Нина Михайловна монтирует пульт управления для сахарного завода. А Сергей, у которого, как у подростка, рабочий день всего 6 часов, зашел в красный уголок повторить уроки. Он никогда не уходит с завода, не дождавшись матери.

Сегодня они тоже уйдут вместе, но только не домой. Нина Михайловна отправится по своим депутатским делам — она член комиссии по здравоохранению районного Совета, а Сергей, проводив ее до остановки троллейбуса, побежит в школу, в 9-й класс.

И. КОНСТАНТИНОВ

хожий на предыдущий чертеж. Нина научилась давать жизнь конструкторским мыслям, изложенным на бумаге в виде линий, пунктиров, кружков, цифр. Она стала квалифицированным слесарем-монтажником. «Монтаж Еременко» — эти слова стали в «седьмом аппаратном» гарантией качества. За пультами, собранными монтажницей Еременко, работают операторы более чем в 20 странах мира, и ни разу не было жалоб и рекламаций. А с прошлой осени появился в цехе и второй слесарь с фамилией Еременко — Сергей, сын.

Нина Михайловна сама провела его по всем цехам, как бы познакомила друг с другом двух своих близких: вот это мой Сережа, а это мой завод. ХЭМЗ поразила парнишку. Но особенно ему понравился цех, где работает мама.

Нине Михайловне было приятно, что сын начал рабочую жизнь в ее цехе, на ее глазах. И хотя его официальным учителем был другой рабочий, она, конечно, тоже помогала. Читала вместе с ним технические задания, объясняла непонятное, рассказывала о назначении аппаратуры, показывала, как пользоваться инструментом. И Сергей старается, считает, что должен поддерживать славу рабочей фамилии Еременко на ХЭМЗе. Особенно теперь. Почему теперь?

В прошлом году ХЭМЗ изготовил сложные пульта и станции управления для будущего гигантского прокатного стана «1700» Карагандинского металлургического комбината. На монтаже этих пультов Нина Михайловна работала самоотверженно, не считаясь со временем. И заказ был выполнен и отправлен в Караганду в срок.

Осенью, когда стан «1700» начал давать прокат, в Харькове узнали: вместе с лучшими, наиболее отличившимися строителями Казахской «Магнитки», за успешное сооружение тонколистового стана «1700» награждены и работники

ХЭМЗа. Монтажницу Нину Михайловну Еременко наградили орденом Ленина.

Поздравлял Нину Михайловну весь завод, пришли все, кого она учила монтажному мастерству. Пришли и девчата из бывшей отстающей бригады, в которую она перешла когда-то по примеру Гагановой. В свое время немало она возилась с этими девчатами. Заводом

Таня Ставицкая училась монтажному делу у Нины Михайловны. И до сих пор приходит она за помощью к своей бывшей наставнице.

Фото автора.

ПИСЬМА

С ГИТЛЕРОВСКОЙ КАТОРГИ

Недавно, разбирая свой архив военных лет, мы натолкнулись на старую, поружевшую папку с надписью «Письма с гитлеровской каторги». В ней лежали письма, фотографии и документы давностью в четверть века. В 1945 году, сразу же после войны, работая еще в «Комсомольской правде», мы собирались систематизировать их и издать, как память о только что пережитых грозных испытаниях. Но нахлынули новые срочные дела и заботы, и замысел этот отодвинулся на неопределенно долгий срок.

Сейчас мы заново перелистаем эти документы, уже приглядываясь к ним в исторической перспективе. Они не устарели, не потускнели; именно теперь, когда в Западной Германии вновь поднимают головы люди, которых разгром Гитлера ничему не научил, эти письма с фашистской каторги приобретают особое значение. Они представляют собой документы огромной обличительной силы, предостерегающие народы Европы от повторения трагедии 1939—1945 годов, когда гитлеровцы топтали земли многих стран и издевались над их народами.

С другой стороны, эти письма напоминают нам и о великой силе духа советского человека, которого не согнуло бремя испытаний. В страшной атмосфере гитлеровской каторги наши люди сберегли свое человеческое достоинство и продолжали борьбу с врагом потому, что верили в победу и дождались победы.

Публикация этих документов сейчас тем более важна, что уже выросли целые поколения людей, родившихся после войны и знающих лишь по рассказам, что пережили в 1941—1945 годах их отцы, матери, деды и бабушки. Вот почему нам хочется сейчас раскрыть перед читателями «Работницы» эту папку возрастом в четверть века и показать им хотя бы некоторые из сохранившихся с тех лет документов.

Уже 7 ноября 1941 года рейхсмаршал Геринг отдал приказ не щадить советских людей, угнанных с захваченных гитлеровцами территорий, расправляться с ними скоро и беспощадно. «Должны применяться, — писал он, — лишь следующие разновидности наказания, без промежуточных ступеней: лишение питания и смертная казнь».

Уделом человека с биркой на шее, на которой был выбит его номер, были непосильный труд, голод, истязания и смерть. Невольникам было трудно, почти невозможно дать о себе весть на родину: их окружали колючей проволокой, находившейся под электрическим током, их караулили жандармы и собаки-ищейки. И все-таки уже весной 1942 года попали к нам первые весточки с гитлеровской каторги.

Помнится, как в те дни в «Комсомольскую правду» вдруг пришло письмецо, которое разведчики одной из частей Брянского фронта принесли из Орджоникидзegrада, еще находившегося под властью фа-

шистов. Это была горестная записка русской девушки Ольги Селезневой, и пришла она неведомым путем, завезенная кем-то из далекого Кельна. Вот что мы прочли:

«Здравствуйте, родные мама, Тоня, Люба, Надя! Во-первых, опишу, как я ехала. Нас загнали на два дня в концлагерь на Урицком поселке, возле Брянска, под конвоем, как пленных. 12 дней везли в коробках. Хлеба в дороге не давали... Как я не хотела ехать! Дядя не советовал, но вы, мама, сказали, если не поеду, то убьют всех. Лучше бы я умерла с голоду...»

По приезде сюда была устроена торговля, и нас, девушек, брали кому сколько угодно, как рабов. Куда продали Марусю, не знаю. Работаю я с утра до темна. Надо мною здесь смеются, а я плачу... Таня, хорошо, что ты не поехала. Меня продали навеки. Мама, я пишу вам сущую правду. Привет Шуре, К. М. и всем.

Ольга Селезнева.

«Комсомольская правда» напечатала это письмо, и с фронта хлынула лавина откликов, несколько тысяч писем. Потрясенные девичьей бедой, солдаты открывали счет мести за Ольгу, клялись добраться до фашистского логова и освободить девушек, угнанных в рабство.

За первой весточкой с гитлеровской каторги пришла вторая, третья, потом мы получали их уже десятками.

Несчастные рабыни нередко прибегали к иносказательному языку. Когда девушка писала, например, что ее хозяин опять сшил ей белое платье в синюю полоску, мать горько плакала (она знала, что означает эта условная фраза, о которой они договорились, когда дочь увозили на каторгу: ее бьют до синяков). Когда приходило письмо, на вид спокойное, в котором говорилось, что все без перемен, и слались многочисленные поклонны знакомым, другая мать снова рыдала: ведь на письме были обрезаны все четыре уголка, а договорились они при разлуке вот о чем: будет плохо — дочь обрезает один уголок на письме, очень плохо — она обрезает два, совсем немощу — обрезает три, а если близка ее смерть — всех четырех уголков не будет.

Но иногда к нам в редакцию из районов, уже освобожденных Советской Армией, доставляли и откровенные, без всяких недомолвок письма — рассказы тех, кому чудом довелось вырваться с каторги и добраться домой.

Так, из Донбасса пришло послание шестнадцатилетней Нади Степаненко, насильно вывезенной в Германию вместе с четырьмя тысячами девушек и юношей из города Ровеньки, Ворошиловградской области. Было это 30 августа 1942 года. И вот что она сообщила:

«Везли нас долго, наконец привезли: лагерь, деревянные бараки, вокруг в два ряда колючая проволока... «Началось наше европейское образование», — сказала я подруге. Лагерь оказался распределителем. Мы думали, что будем работать вместе, а пришлось разлучиться. Каждому повесили на левую руку номер. Я стала № 906. По нескольку раз в день вызывали по номерам группами по 50—100 человек — комиссия распределяла «живой товар». Наконец дошла очередь и до меня...»

В детстве я прочла книгу «Хижина дяди Тома». Помню, плакала, когда читала о том, как продавали старого Тома. А тут мне самой пришлось стать на его место. Первой взяли мою подругу Валу П. Когда ее уводили, она крикнула: «Девчата, нас продают!» Мы зарыдали. Потом взяли меня. Толстый гитлеровец спросил мой номер, сделал отметку в списке, выписал квитанцию моей будущей хозяйке. Она открыла сумочку и подала ему деньги. Я все время плакала и не посмотрела, сколько за меня заплатили, какая у меня была цена. Гитлеровец сказал мне по-русски: «Слушай свою фрау, фрау Видман!»

Фрау увезла меня в город Либих. Ее муж Карл Видман имел свою электропекарню, двухэтажный дом. Было у него четверо маленьких детей. Работала я у своей фрау с пяти утра до девяти вечера. На груди у меня тряпочка с надписью «Ост». Идешь по улице — все на тебя смотрят, показывают пальцами, а мальчишки кричат, толкают, плюются. Было обидно, как вспомнишь, что вот училась в восьмом классе, изучала французский язык, а тут сама стала рабыней, как в период римского владычества.

От плохого питания у меня на руках и ногах появились нарывы. Фрау стала ко мне относиться хуже. А Карл начал меня бить. Нарывы разрастались, краснота дошла до локтя. Я ходила с трудом. Тогда хозяйка пошла в полицию, и меня отправили обратно в лагерь. Там собралось несколько девочек, тоже больных, — из Чернигова, Краснодона и других мест. Нас отвезли в Брест-Литовск и определили в лагерь, где жили военнопленные. Жуткое место. Нас почти не кормили. Люди умирали каждый день. Сегодня ходит человек, как тень, завтра он уже на карачках ползает, еле шевелится, а утром на следующий день его труп выносят.

Выйти нельзя. Кругом проволока, а на ней трупы висят: этих убили, когда они перелезали, и так и не снимали. Все же я и еще две девочки решили бежать: все равно — от голода умереть или быть застреленными у проволоки. Я сшила из мешка чулки вместо сапог, так как мои туфли окончательно развалились, и ночью нам удалось проползти под проволокой.

И вот после долгих трудностей я добралась до родных Ровеньков. Прихожу домой. Мать увидела и не узнала.

— Откуда ты, девочка? — спросила она. А потом посмотрела на меня и затряслась...»

Пережитые на фашистской каторге ужасы не смогли сломить гордость, достоинство, силу воли советского человека, это сказано между строк. Но еще яснее и отважней сказала об этом пленница фашистского лагеря Шура Пушкарева, бывшая десятиклассница из Мариуполя. Один из беглецов с каторги привез это письмо подруге Шуры — Нине.

«Здравствуй, дорогая Нинусенька! Подруженька родная! Если бы ты только знала, сколько наших сестер и братьев никогда не увидят свою землю. Навек они закрыли глаза в страшной чужой стороне. Неужели и я никогда не вернусь?»

«Видела ли ты до войны картину «Профессор Мамлок» или еще одну — «Болотные солдаты»? Все это я испытала на себе. Что кино! А вот если узнать наяву, как ночью приходят гестаповцы, светят фонарем по каждой кровати, кого-то ищут, нас обыскивают, бьют резиновыми плетками, которые привязаны к их рукам.

Но мы не сдаемся. Русские девушки! Бьют их, таскают по баракам, но русский дух выбить не могут. Мучают, предлагают — кричи: «Хайль Гитлер», — а девушки говорят: «Хай вин здохне». Да, так у нас было.

Однажды мы устроили на фабрике забастовку. Приехала полиция, меня взяли и требовали, чтобы я выдала зачинщиков. Я молчала. Пусть убьют — не произнесу ни слова...»

Чем дальше двигались наши войска на запад, тем больше поступало известий с гитлеровской каторги. С фронта слали сотни записок, писем, дневников, которые солдаты находили в освобожденных городах. В короткой статье многого не расскажешь, и мы сейчас с сожалением откладываем в сто-

рону груды этих документов, оставив перед собой лишь немногие.

Как не упомянуть такое, например, послание: дочь командира-пограничника комсомолка Лиля Обухова, описав на пятнадцати страницах свои страдания в плену у гитлеровцев, прилагает свое стихотворение, написанное в трудную пору, когда линия фронта проходила на востоке, рассекая кровавым рубцом советскую землю. И все же Лиля твердо верила, что освободители дойдут и до нее и она вернется домой. Стихотворение потрясает своим оптимизмом, разительно контрастирующим с трагической обстановкой лагерной жизни:

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Шурша крылом, и медленно и плавно
Взлетает птица с мернущих полей.
Темнеет небо. Тяжелют травы,
Вздыхая, пригибаются к земле.
Умыв росой запыленные веки,
В ночное плаванье пускаются цветы...
Текут в долинах дремлющие реки,
И звезд коснулись горные хребты.

Земля вращается. Она неутомима.
Стучат колеса в дружном ритме с ней.
В ночной степи состав проходит мимо
В далекий город с тысячею огней.
Но спать нельзя. Качаются рессоры.
Проводники по тамбурам стоят.
Ведь это наш, войной разбитый город!
И эта степь зацветшая — моя.
Я возвращаюсь из чужого края,
К оному припад разгоряченным лбом,
И встречный ветер слезы утирает
Своим расшитым теплым рукавом.
В вагонах спят. Всем снится избавленье.
Свистит свисток. Смолкает вдалеке...
А я, смеясь, читаю объявления,
И все они на русском языке!
Как трафареты старые знакомы:
«Нельзя курить, сорить, плевать...»
Так это, значит, в самом деле — дома?
И, значит, мы на Родине опять?
Еще мерещатся жандармы и полиция —

Нас разделяют с ними считанные дни...
Я сорю раз плюю на заграничу!
Берите штраф, товарищ проводник...

Каким великолепным душевным оптимизмом и неистребимым юмором должна была обладать эта комсомолка, чтобы написать такие задорные строки в ту мрачную пору, когда гитлеровские танки вышли на берега Волги! «Это была мечта, которая теперь стала явью», — скромно приписала она 15 октября 1944 года, отметив, что стихотворение сочинила два года тому назад.

И вот наступил день, когда мы получили уже последнее известие об освобождении пленниц гитлеровской каторги. Это случилось в мае 1945 года. Полевая почта принесла в «Комсомольскую правду» письмо гвардии старшины Ю. Храповицкого:

«Уважаемые товарищи! Я с вами не знаком, но мне очень хочется поделиться большой радостью со всей советской молодежью. На долю нашей воинской части 45169 выпала почетная задача — принять участие в доблести Гитлера в его собственной столице. О том, как мы выполняли эту задачу, вам, наверное, напишут другие, а мне сейчас хочется сообщить вот что: только что мы освободили последних узниц Берлина, наших девушек, угнанных в рабство фашистами... Их пятеро. Они еще очень молодые, им лет по пятнадцать-шестнадцать. Но столько бедным пришлось пережить, что их молодые лица выглядят не по летам серьезно...»

Старшина Храповицкий сообщил далее, что девушки эти из Белоруссии, зовут их: Ирина Завадовская, Женя Поляк, Тоня Костикевич, Надя Зеленкова, Надя Гусецкая. Они участвовали в партизанском движении, были схвачены фашистами и оказались в концлагере.

...В тяжелый для нашей Родины 1942 год русская девушка Ольга Селезнева, угнанная гитлеровцами в рабство, написала в припадке отчаяния своей матери из далекого Кельна: «Меня продали навеки». Тогда же фронтовики В. Иванов, И. Курпан и З. Мухаметов, откликаясь на это письмо, напечатанное в «Комсомольской правде», горячо возразили на ее горькие слова: «Ольга ошибается. Наша Родина, ее храбрые сыновья не оставят в беде своих подруг. Не плачь же, дорогая Ольга, о тебе помнят в каждой землянке. Русский парень Степан Ушаков уничтожил за тебя 220 гитлеровцев, таджик Рустам Кочкаров за тебя убил 233 фашиста, а украинец Притыка — на его счету 163 убитых негодяя. Таких мстителей тысячи. Придет час, и тебя освободят, Ольга».

Это были трудные дни: фашисты были еще очень сильны. Но неугасимая вера в торжество правого дела воодушевляла наших бойцов и командиров; благородное стремление выручить из беды сотни тысяч своих сверстников и сверстниц, родителей, братьев и сестер, временно подпавших под фашистское иго, вело их к победам.

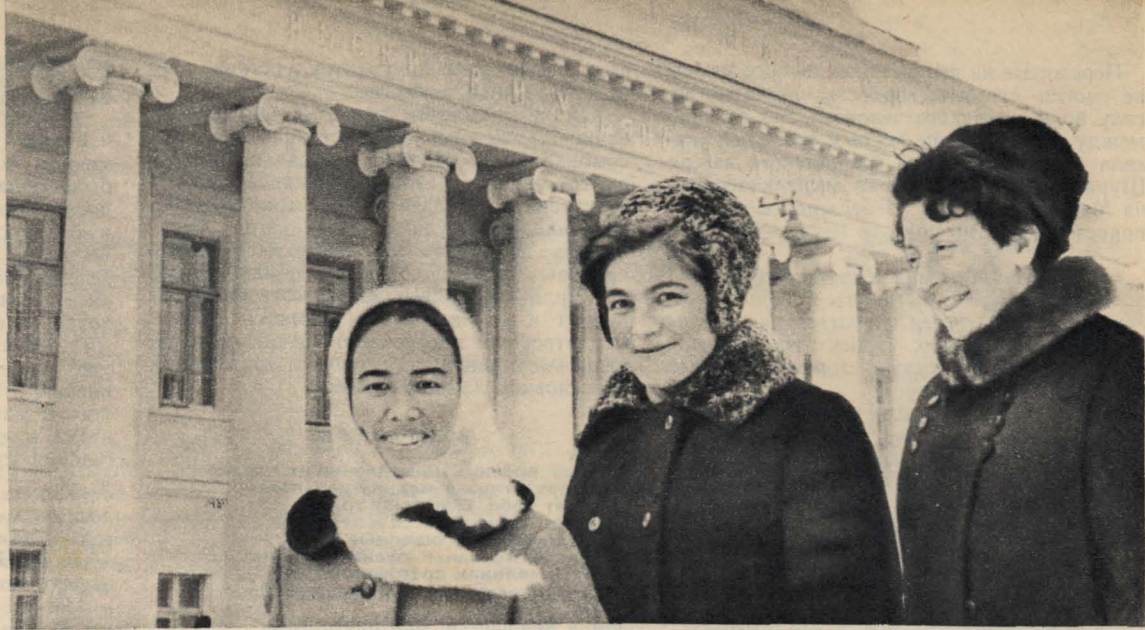
Мы не знаем, как сложилась судьба Ольги Селезневой, не знаем, дождала ли она до освобождения. Но миллионы ее сверстников и сверстниц вернулись из фашистского плена на Родину. Мы будем признательны читательницам «Работницы», если они сообщат о том, как сложилась жизнь освобожденных из плена советских женщин, пришлют в редакцию фотографии, письма и другие документы, если что-то у них сохранилось с тех давних лет.

Волнующая и драматическая история всего пережитого заслуживает того, чтобы о ней подробно рассказать советским людям!

Ю. ЖУКОВ,
Р. ИЗМАЙЛОВА

М. Хмелько. Солдат свободы.

На этом снимке ленинские стипендиатки Казанского университета. О двух из них — Фариде Шаги-Мухаметовой (слева) и Зарие Аглиуллиной (справа) — рассказывает очерк. В центре — Татьяна Белоносова, студентка IV курса геофака.

Т. АЛЕКСАНДРОВА

Фото М. Шакирзянова.

Дополнительный вопрос

— Ну что там? Что?

— Она отвечает. Он молчит... Он ходит... Он что-то говорит. А она молчит. Почему она молчит?!

162-я группа биолого-почвенного факультета сдает биофизику. Экзамен трудный. Принимает молодой профессор Игорь Анатольевич Тарчевский. А профессорский возраст, если верить студентам, как правило, обратно пропорционален его строгости.

— Дрожим! — сказала мне перед экзаменом Фариди Шаги-Мухаметова. — А вам обязательно нужно идти со мной на экзамен?

Поняла — и не пошла. Сейчас Фариди отвечает. Смотрю на нее сквозь застекленную дверь. Чуть напряженная, в черном платье с идеальным белым воротничком. Тяжелый вздох за моей спиной:

— Уже сорок минут! Если Фаридка получит четверку, нам лучше и не соваться...

«Если Фаридка получит четверку...» Что будет чувствовать Фариди, представить себе не могу. И, как ни странно, потому, что уже немного ее знаю. Она привыкла быть отличницей. Привыкла делать все с невероятным старанием и ответственностью. Ей и в факультетском бюро поручили оргсектор — работу мало кому любимую и канительную, потому что знали: у Фариды будет абсолютный порядок.

Я тоже, кажется, начинаю волноваться. Отхожу от двери. Останавливаюсь у Доски почта биофака. Машинально на-

чинаю рассматривать фотографии. И. А. Тарчевский. А рядом — Ф. Шаги-Мухаметова... Здесь профессор и студентка — почти на равных. Но там, в аудитории...

Идет сессия. Обычная студенческая сессия, как десять лет назад и двадцать. Как в любом вузе. Но как раз обычности и удивляешься в первые минуты. Ведь пришел ты не куда-нибудь — в Казанский университет. И тяжелую входную дверь открыл со священным трепетом.

Сколько же раз открывал эту самую дверь Николай Иванович Лобачевский? Студент. Потом профессор, ректор. Великий математик Лобачевский! Через этот просторный шумный вестибюль — он и сто лет назад был, наверное, таким же шумным — проходил, раскланиваясь со студентами, Николай Николаевич Зинин — отец русской химии... А в аудитории, около которой «страдают» сейчас девчата-микробиологи, сдавал, быть может, или принимал экзамен Александр Михайлович Бутлеров... Отсюда, сдав последний выпускной экзамен, уезжал на работу в Пензенскую губернию Илья Николаевич Ульянов. А через тридцать три года пришел сюда его сын — Володя. Он был в ту пору таким, как стоит сейчас на постаменте перед входом в университет. Небрежная, разлетающаяся от быстрой ходьбы прическа, пиджак, наброшенный на одно плечо... Ему пока всего семнадцать. Он ровесник тех, кто

каждую осень впервые открывает университетскую дверь...

Вот таким мчался он по университетскому коридору вперед толпы возмущенных студентов в актовом зале, на сходку. Словно сильной, до предела сжатой и сразу отпущенной пружиной прорвалась в те минуты в нем, обычно очень сдержанном, неукротимость... И таким же ехал через несколько дней в маленьком крытом возке по казанским улицам. Возок потряхивало на ледяных колдобинах, резко заносило в сторону на поворотах. Рядом сидела мать и маленькая сестренка Маняша. Плотнее прижимаясь к Марии Александровне, она с удивлением и испугом поглядывала на полицейского чина, который следовал за ними на рысаке. Увозил возок бывшего студента Владимира Ульянова из первой в его жизни тюрьмы в первую ссылку...

Можно подняться сейчас на второй этаж и открыть двери актового зала, в котором бушевала та студенческая сходка... И можно войти в одну из аудиторий юридического факультета, куда не раз входил Ленин и которой вернули теперь ее давний облик. Длинные парты, тусклая медь газовых рожков, кафельная печь, старинные обои — ушедший в историю 87-й год...

Здесь все время помнишь о том, что было Владимиру Ульянову в год его революционного «крещения» всего семнадцать.

И надо ли объяснять, поче-

му, присматриваясь к тем, кого встречаешь в университетских коридорах, знакомясь с ними, невольно пытаешься разглядеть их отношение к жизни, к себе, к возможностям своего возраста?..

Фариди наконец-то выходит.

— Ну что? Отлично? Почему долго?

— Дополнительный вопрос — структура нуклеиновых. Ой, девочки, до чего интересно говорить с Игорем Анатольевичем!

— Нуклеиновые кислоты? Но нам же не читали нуклеиновые. Откуда ты это знаешь?

Потом, когда кончился экзамен (Фариди оставалась до самого конца, чтоб за всех отболеть), я тоже спросила: «Откуда?»... Почему она знала о нуклеиновых кислотах? Нужно было для курсовой? Для работы в проблемной лаборатории?

— Нет. Просто мне это интересно. Сейчас столько внимания нуклеиновым. Разгадай их сегодня ученые до конца, многое объяснилось бы. Высказываются столько разных предположений, теорий!

Да, ведь мне Деля Вафовна Юсупова, которая шефствует над Фаридой в проблемной лаборатории, говорила, что ее студентка умеет работать самостоятельно. Нередко «раскапывает» в библиотеке любопытные научные статьи, переводит их с английского...

Еще на первом курсе пришла Фариди в проблемную лабораторию. Как только услышала это влекущее слово «проблем-

ная», как только узнала о проблеме, над которой работает со своими учениками профессор Маргарита Ильинична Беляева. Противораковый препарат. Не верилось даже, что тебя к такому допустят. Но Маргарита Ильинична сказала при знакомстве первокурсникам: «Вы можете стать нашими помощниками». Вот так и сказала. Очень уважительно. Словно нет разницы ни в возрасте, ни в знаниях. В Беляеву все студенты-микробиологи влюблены. О ней и слов высоких говорить не боятся: «Наша Маргарита Ильинична — идеальный служитель науки».

Почти каждый день Фариды, выкроив время — а его в обрез: кроме биофака, учится она еще на переводческом отделении факультета общественных профессий, — прибегала в маленький одноэтажный домик в глубине двора.

Сначала осваивала лабораторные азы — двадцатикратную мойку чаш и пробирок. Рядом была Деся Вавовна. И Фариды, глядя на нее внимательно и чуть удивленно — такие взгляды любит встречать учитель на уроке, — ловила каждое слово. Деся Вавовна — ученица Беляевой. Была ее студенткой. Сейчас кандидат наук. Настоящая увлеченность, наверное, как ток в электрической цепи: прикоснись — пронизет насквозь.

Скоро поручили Фариде самостоятельный опыт, очень маленький, но нужный для поиска всей лаборатории. А когда, уже после третьего курса, проходила в проблемной летнюю практику, задание усложнилось.

Лета Фариды и не заметила. Какое оно было: жаркое, холодное, дождливое? Из лаборатории иногда уходила последней. Чуть жутковато становилось от тишины университетского двора, каменного эха шагов. Нередко ее ждал во дворе отец.

— Зачем же ты пришел?

— Но уже ночь. Два часа. Мама не спит...

Опыты в проблемной лаборатории кропотливые, долгие. И нарочно не придумаеть такого испытания для новичков, еще не состоявшихся микробиологов. Испытание на интерес к науке. Настоящий ли он, стал ли глубоко личным? Ведь от этого рождается и целеустремленность и одержимость, без которых не совершилось бы, наверное, на земле ни одно из открытий.

Как-то спросила Фариду: почему она сделала такой выбор — биолого-почвенный факультет, микробиология?

Застеялась.

— Это слишком тривиально. Попала в руки «Открытая книга», классе в шестом...

Действительно, восторг перед героиней Каверина решает судьбы многих девочек. Но и разочарования потом нередки.

Из-за малых представлений о выбранном предмете.

После «Открытой книги» был Поль де Крюн «Охотники за микробами». И книга про Флемминга. И статьи в «Науке и жизни». Только все это уже попадало в руки Фариды совсем не случайно.

В Фариде еще можно разглядеть детство. С десяти лет до сих пор влюблена в «Витю Малеева в школе и дома». Признается в этом, не смущаясь. Перечитывает его в пятнадцатый раз, смеясь, как в первый... Но она рано освободилась от внутренней инфантильности, которая мешает в пятнадцать-шестнадцать лет, а некоторым и значительно позже заглядывать дальше того, что нужно знать обязательно.

Но, может быть, это не ее собственная заслуга. Ведь у нее мама — врач, папа — журналист. С восьми лет — английский язык, музыка. Не у всех же такие условия. Может, и нельзя подходить с Фаридиной меркой к другим?

На механико-математическом факультете познакомилась с Зарией Аглиуллиной. Приехала она в Казань из татарского села Исергапова. Из глубинки. В ней самой столько исконно татарского. Глаза черные, чуть что, смеются. Волосы тоже черные, тяжелые, длинные.

Жилось нелегко. Отец рано умер. Они остались втроем: мама, Зария и Залина, тогда еще совсем маленькая. Это сейчас она пишет в Казань письма, неторопливо сообщая сестре все важные новости: «Вчера ходила на ферму помогать маме»... «Представляю, как перемазалась!» — смеется Зария.

В альбоме у Зарии я видела фотографию ее первой школьной учительницы математики, Такмили Аглулловны Тимашевой. Стал ли предмет любимой учительницы любимым, или, наоборот, учительница вызывала восхищение из-за любимого предмета — трудно сказать, скорее, и то и другое. Но математика влекла и влекла Зарию. Потом, позже, она поняла, что влекла сила и красота логики. Старшеклассницей участвовала она в районных математических олимпиадах. Бывала победительницей. Большие способности? Безусловно. Но не только они привели ее на математический факультет. Уже в школе заинтересовалась историей математики. Услышала о Лобачевском. А что он открыл? Создатель неевклидовой геометрии? А почему она так называется — неевклидова? И, как к Фариде, попадали к ней в руки не случайные книги.

Девятый и десятый класс кончала в Бавлах, районном центре. Год работала в своей Исергаповской школе старшей пионервожатой, чтобы маме было полегче. А потом

Памятник Володе Ульянову в Казани.

поехала в Казань. Первой из Исергапова — в университет.

И Фариды и Зарии не просто отличницы. В числе девятнадцати студентов Казанского университета они удостоены стипендии имени В. И. Ленина. Стипендия, которая дается лучшим из лучших. Какие же должны быть заслуги, кроме образцовой зачетки?

Должен быть, наверное, такой глубокий интерес к выбранному делу, как у Фариды.

И целеустремленность, как у Зарии. Сознание, что ты обязан участвовать в решении многих важных вопросов, которые ставит сегодня жизнь.

— Кончу, вернусь в Исерга-

пово, — говорила мне Зария. — Сельские школы еще отстают от городских. А ведь у нас в Исергапове столько ребятшек, умных, смелых. Нужны им преподаватели с университетским образованием.

Может случиться, что когда-нибудь приедет в университет, на мехмат, паренек из Исергапова с фотографией своей школьной учительницы в альбоме — Зарии Аглиуллиной.

Может быть, и Фариды сделает какое-нибудь открытие в микробиологии...

Пока они учатся. Пока у них отличные ответы на дополнительные вопросы. Вопросы не из программы.

ЕСЛИ ТЫ ЗАСТЕНЧИВА

«У нас в классе было сегодня собрание. Все, на удивление, разговорились. Когда я сидела, мне казалось, что вот и я сейчас встану и все скажу, что думаю. А встала — и двух слов не могла связать, говорила какие-то глупости. За спиной начали хихикать, и я, заревев, вылетела из класса. Ну отчего я такая? Всегда смущаюсь, даже когда на уроке отвечаю. На школьные вечера давно не хожу. Начинаю краснеть при мысли, что кто-то может пригласить танцевать. С незнакомыми людьми вообще разговаривать не умею. Тысячу раз давала себе слово, что этого больше не будет, заставляла себя быть, как другие девочки, а получалось еще хуже. Воли у меня, может, мало?»

Валя Т.

Письма, похожие на Валино, совсем не редкость. Присмотритесь внимательней к ребятам своего класса или коллектива, где вы работаете, и среди них непременно окажется один или несколько «чемпионов» по застенчивости.

Очень полезно знать, что таких застенчивых, как вы, много. Тогда сама собой отпадает «трагедия» по поводу «особой природы», «особой несчастной судьбы». В том-то и дело, что вокруг достаточно и робких и застенчивых, а судьбы у них в конечном счете такие же разные, свои, как у всех на свете людей.

Но откуда же все-таки берется эта робость?

Причин несколько. Среди них — так называемая возрастная робость. В 13—16 лет у всех, как известно, наступает переломный период. Начинают работать новые системы организма, потрясая психику незнакомыми прежде чувствами и тревогами. Нередко в этом возрасте происходит даже перестройка темперамента: те, кто в девочках или мальчишках были бойкими, веселыми, становятся сдержанными, вдумчивыми, больше прислушиваются к своим чувствам, стараются разобраться в себе. И, наоборот, медлительные и вялые — энергичными и подвижными. Вспомните, каким описывала Пушкина в детстве. Флегматичный, спокойный мальчик. И вдруг в юности такой бурный темперамент!

Из-за этой внутренней ломки нередко перестраиваются отношения с окружающими. Вас не устраивают прежние друзья, или вы сами перестаете им нравиться. Раньше все получалось легко, теперь — ох как не просто! Вот и теряется прежняя непринужденность, внутренняя свобода — уверенность в себе. И у девушек все происходит, как правило, резче, круче, чем у юношей. Хотя бы потому, что физиологические сдвиги глубже затрагивают весь их организм.

Неуверенность может рождаться и от скованности характера. Черты характера — это отпечаток в человеке всей его биографии, всего пережитого. Бывает, что растет человек замкнуто. Он единственный ребенок в семье, а родители, сами люди малообщительные, не поощряют его дружбу со сверстниками. Вот он и не привык к общению с посторонними людьми. Пока был маленьким — это не ощущалось, жил за родительской спиной, а подросток, настала пора действовать самостоятельно, и почувствовал скованность.

Возможно, неуверенность в себе появилась оттого, что родители — слишком властные люди — с детства подавляли в человеке самостоятельность безопасными запретами: «Нельзя!», «Не смей!», «Мал еще!» Или наоборот: родители — мягкие, заботливые — чрезмерно опекали сына или дочку, ограждали от всех сложностей и, сами того не замечая, заглушали в них уверенность в себе, в своих силах.

Наконец, еще одна причина — биологическая. Медики и психологи знают: у людей от природы различные типы нервной системы. Особенно важно здесь различать сильный тип и слабый. «Сильные» люди активны, энергичны, выносливы, общительны. «Слабые» — пассивны, робки, впечатлительны. Почти всегда все переживают в себе: и то, что уже произошло, и то, что может произойти. Конечно, не надо думать, что мир состоит из противоположностей: есть и люди «средние» по этому свойству нервной системы.

Очень застенчивые, для которых общение с окружающими, знакомыми и тем более незнакомыми людьми становится пыткой, как правило, из «слабых». Некоторые принимают свой характер спокойно, а другие терзаются, прямо-таки страдают из-за собственной робости и скованности.

Если у вас явно «возрастная» неуверенность, можно ничего не делать. Само пройдет через год-другой. Учитесь, читайте, работайте, набирайтесь жизненного опыта.

А если налицо неуверенность «третьего типа», полезно вспомнить, что лица с явной «слабостью» нервной системы отнюдь не какие-то неполноценные, ущемленные субъекты. У этих людей робость, трудность в общении с другими лишь оборотные стороны весьма ценных качеств: высокой чувствительности, чуткости, проницательности. Такие люди достигают везде и всюду результатов, ничуть не худших, чем «сильные». А в искусстве и литературе, науке и педагогике они, как правило, даже опережают.

Далеко не всегда стоит завидовать подружкам, способным легко заговаривать с незнакомыми людьми, легко болтать и комментировать... Девушку чуткость и застенчивость лишь украшают. Зачем же ненавидеть в себе это свойство?..

Недостаток, появившийся в человеке из-за влияния окружающей среды, действительно будет мешать ему жить. Может случиться, что именно из-за этой болезненной неуверенности в себе не проявятся до конца его способности, возможности.

Ну, а что же все-таки делать? Как изжить эту внутреннюю помеху?

В психологию пришло из кибернетики понятие «тезаурус» («скровищница», «арсенал»). В разных значениях оно охватывает то запас слов иностранного языка, которым вы владеете, то запас известных математических действий, то всевозможных танцевальных па или гимнастических навыков... Наш мозг хранит немало таких «тезаурусов». Среди них можно выделить определенный арсенал: слова, жесты, интонации, которые предназначены для вступления в беседу, для поддержания беседы, для выхода из общения.

Причем слова эти разные — многое зависит от того, с кем вы разговариваете, — имеют разные оттенки. Знаменитый словарь людоедки Эллочки из «Двенадцати стульев» — тоже тезаурус, хоть не слишком обширный...

Так вот, обогащение своего контакт-тезауруса помогает преодолевать болезненную застенчивость. Наблюдайте за теми, кто легко включается в общение, запоминайте их слова, поренивайтесь типичные фразы и жесты. Да, да, именно так: посмотрите, запомните, дома постарайтесь прорепетировать перед зеркалом. Плохо получается — еще раз. Театральная репетиция, актерская работа, — скажете вы. Да. Но так и учатся владеть собой.

Затем заставляйте себя вступать в беседу с незнакомыми людьми, используя жесты, фразы, мимику, подготовленную заранее. Это нелегко, спору нет, но совершенно необходимо. Начинать с пустяков: скажем, подойдите к кому-нибудь и спросите, который час. Вопросы, разумеется, зависят от обстановки. В библиотеке — «Не вы ли взяли эту книгу?» В очереди за билетами в кино — «Вы не знаете, кто режиссер этого фильма?»... Выслушайте ответ, скажите «спасибо». Так повторите несколько раз, — может быть, сто! — пока не освоите это простое дело: заговорить как бы случайно. Изюм в день задания себе усложняйте: задавайте несколько вопросов, заранее предусматривая, при каком ответе какой вопрос будет следующим. Никто не должен знать, что вы преодолеваете себя. Со стороны все должно быть просто: подошли, спросили, отошли. Для вас же каждый такой шаг будет маленькой, но победой воли над слабостью.

И, конечно, никаких потом переживаний: «Как неловко и глупо получилось! Нет, у меня никогда не выйдет! Все меня видят насквозь! Все смеются над моими попытками!» Избавляйтесь от этих сомнений. Как? Возьмитесь за первое попавшееся дело. Наведите порядок в комнате, постирайте.

Так, шаг за шагом вы и будете закалять себя. Но учтите: застенчивость и безволие не одно и то же. Зоя Космодемьянская была далеко не из самых общительных девочек в школе. Софья Ковалевская также страдала от чрезмерной застенчивости и робости в детстве, но смогла постепенно преодолеть ее примерно такой же тренировкой.

Здесь может быть и такой психологический ход — вышибать клин клином. Вы очень стеснительны — поступайте в драмкружок. Будете учиться владеть собой уже не в одиночестве, а с помощью товарищей, которые всегда ободрят вас, поддержат. Можно ли рекомендовать подобную тренировку в «антиробости» всем?.. Ведь иногда в одном человеке налицо и плоды неверного воспитания и особенности слабого типа нервной системы. Закон тренировки действует на всех: длительная работа над собой никогда не остается бесплодной.

Просто у людей с сильным типом нервной системы дело пойдет быстрее, за несколько месяцев можно избавиться от своего недостатка. А у «слабых» возможны вариации: одни смогут преодолеть свою робость за сравнительно короткий срок, другим понадобятся годы.

Ф. ИППОЛИТОВ,
кандидат психологических наук

А как думаешь ты

Здравствуй, «Подружка»!

Давно хотела написать тебе, да все не решалась. Отчего это так: есть люди, которые пользуются в коллективе всеобщим уважением, а есть такие, к которым все абсолютно равнодушно? Вот я, например... Горько писать об этом, но меня не уважают в коллективе. Да, не уважают! Я это чувствую. Но почему?

Заканчиваю техникум. Понимаю, что сейчас моя главная задача — учеба. Общественная жизнь техникума меня мало интересует. Иногда думаю, что занялась бы чем-нибудь, но мне не предлагают. Выбирают старосту, комсорга, профорга, но ни один не назовет мою кандидатуру. А почему? Учусь ведь я хорошо. Может, это связано с моим характером? Не могу относиться спокойно, если что делается не так, как я хочу. Обижаясь, сразу выступают слезы, могу подолгу не разговаривать.

Каждый вечер, ложась спать, я себя спрашиваю: что же будет дальше? Скоро мне, как говорят, выходить в жизнь. Дадут мне в техникуме характеристику. А что в ней смогут написать обо мне? Хорошо училась — и все? Не скажут, как про других: «активистка», «занималась комсомольской работой»... Приду на производство, буду работать плановиком. Но неужели и там я буду так же далека от общественной жизни, не буду пользоваться никаким уважением? И вообще, как становятся люди уважаемыми?

Таня Ш.
г. Новочеркасск.

Не найдешь, наверное, такого человека, которому было бы безразлично отношение к нему живущих рядом людей. И автор этого письма Таня Ш. озабочена не столько тем, что получит после техникума небольшую характеристику, а тем, что ее не уважают товарищи. Она и в будущем не хочет жить так, как сейчас, в стороне.

Школьный класс, рабочая бригада... Каждый из вас, наверное, сразу сможет назвать человека, которого в коллективе любят больше других. Иногда о нем говорят: «наш заводила», «наша совесть», «душа коллектива»... Но какой он человек? Какие черты характера нравятся вам в нем? Какой из его поступков вызвал ваше особое к нему расположение? Как он относится к своим товарищам? К своим обязательным делам? Поручениям? Просьбам?

Расскажите о нем в своих письмах. Думаю, что тогда все вместе мы сможем ответить на Танин сложный вопрос: «КАК СТАТЬ УВАЖАЕМЫМ ЧЕЛОВЕКОМ? ЗА ЧТО УВАЖАЮТ ЛЮДЕЙ?»

«Подружка»

Ох уж эти веснушки!

Весна на дворе. Пригрело солнышко, и на редакционном столе выросла новая гора девчачьих писем: «Помогите! Не знаю, что делать! Жду совета!... Причина всех этих взрывов отчаяния — симпатичные рыженькие веснушки, высыпавшие на носу и щеках.

Мы уже не раз говорили, что веснушки — это совсем не страшно. Они почти никогда не портят лица, а нередко даже украшают. Но девочкам, которые все же не желают примириться с веснушками, советуем не мазаться чем попало, не слушать советы подружек и соседок (так и повредит себе недолго!), а купить в аптеке или галантерейном магазине специальный крем. Недавно появились в продаже два новых.

КРЕМ «ВЕСНА» (московская фабрика «Свобода») в отличие от других отбеливающих кремов не содержит ртути, поэтому совершенно безвреден. В составе крема — эфирное лавандовое масло, которое не только «бледнит» веснушки, но и помогает лечить угри.

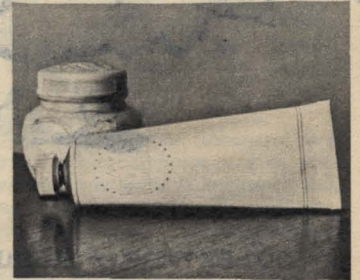
КРЕМ «МЕЛАН» (та же фабрика) пригоден для любой кожи, не раздражает ее, не стягивает, не вызывает шелушения. Он удаляет веснушки и, главное, предотвращает появление новых: задерживает разрастание меланина, коричневого пигмента, который у некоторых людей под влиянием ультрафиолетовых лучей солнца откладывает-

ся в коже неравномерно, пятнышками-веснушками.

Пользуйтесь кремом два раза в день. Умойтесь, затем намочите в теплой воде полотенце, отожмите и положите на лицо. Остынет — сделайте так еще два раза. Теперь можно смазать лицо кремом. Первые минуты будете ощущать неприятное жжение, потом пройдет. Через час снимите остаток крема бумажной салфеткой.

Запаситесь терпением: лечение придется продолжать две-три недели, а то и дольше.

Если в магазине не найдется нужного крема, сделайте его сами: тщательно перемешайте столовую ложку любого жирного крема с чайной ложкой лимонного сока, или две чайные

ложки пшеничной муки со столовой ложкой уксуса (столового) и ложки меда.

Т. ЮРКОВА

Мамины уроки

ГРЕЧНЕВАЯ КАША получится особенно вкусной, если вы предварительно пожарите кру-

пу без масла на чистой сковороде, на слабом огне. Когда крупа станет золотистой, начнет «потрескивать» — прибавьте пол-ложечки сливочного масла и пожарьте еще немного. Пересыпьте крупу в кастрюлю (тоже чистую!), долейте крутым кипятком и ставьте на слабый огонь. Немного посолите и закройте. Минут через 20, когда крупа вберет всю воду, снимите кастрюлю, заверните в газету и еще во что-нибудь теплое, пусть «дойдет». Если любите кашу рассыпчатую, мягкую, не снимайте ее с огня, а помешайте как следует ложкой, добавьте полстакана кипятка, и пусть еще полчаса поварится.

Бывает, что каша пересохла, пристала к стенкам, но дну кастрюли. Прибавьте еще немного кипятка, помешайте, снимите кастрюлю с плиты и «закутайте» потеплее.

На стакан крупы нужно полтора стакана воды, пол-ложечки масла и столько же соли.

ПШЕННАЯ КАША С ИЗЮМОМ тоже очень вкусна. Пшено не поджаривайте, а хорошенько

вымойте в двух-трех водах. Когда моете, потрите между ладонями, чтобы снять с крупинки горьковатую пленочку. Сначала поварите пшено в небольшом количестве воды, когда разварится, налейте молоко, добавьте изюм, масло, соль, сахар. Плотно прикройте кастрюлю крышкой — пусть постоит полчаса на слабом огне, а вы время от времени помешивайте, чтобы не подгорела. Имейте в виду, что пшено сильно разваривается — поэтому выберите кастрюлю побольше, с запасом.

На стакан пшена нужно полтора стакана воды, столько же молока, полстакана перебранного и вымытого изюма, две столовые ложки сахарного песка, столовая ложка сливочного масла, четверть ложечки соли.

Точно так же можно сварить **РИСОВУЮ КАШУ**, только и воды и молока возьмите побольше: рис разваривается еще сильнее, чем пшено.

МАННУЮ КАШУ вы, наверное, не любите. Но варить ее

все же стоит научиться, особенно если у вас есть младшие братишки или сестренки. Самое главное — хорошенько разварить крупу, чтобы не было ни одного комочка. Налейте в кастрюльку воды, молока (можно одно молоко), вскипятите, положите сразу и сахар и соль, засыпьте тонкой струйкой крупу и варите на небольшом огне, все время помешивая, пока не загустеет. Когда каша сварится, положите в нее сливочное масло.

На три четверти стакана молока нужно четверть стакана воды, три чайные ложки крупы, пол чайной ложки (или больше) сахара, чуть-чуть соли, чайную ложку масла.

ПОДРУЖКА

Дед Мороз и сосулька

Сказка

Вот, дети, какое несчастье случилось однажды с Дедом Морозом. Морозил он как-то ночью сосульку на крыше да и приморозил к ней нечаянно свой нос.

Вертится Дед Мороз возле сосульки и так и этак, а оторвать от нее нос никак не может. Расстроился Дед. Неужели всю жизнь придется ходить с сосулькой на носу?

Прибежала к нему на помощь внучка Метелица. Ухватила за дядю шубу и давай его от сосульки оттащить. Тащила-тащила, да ничего не смогла сделать.

Сбежала Метелица за бабушкой Вьюгой. Стали они вдвоем тащить Деда, а он кричит, больно ему:

— Что вы делаете, так ведь и нос оторвать недолго!

Дунула тогда Вьюга Деду Морозу на нос — он в слезы:

— Уймись, бестолковая! Теперь не только нос, теперь и борода примерзла к сосулке!

Подоспел тут младший брат Мороза — Северный Ветер. Стали все вместе думать, как Деда выручать, и надумали сосульку от крыши отломать, а потом разбить на мелкие ку-

сочки. Ухватились за сосульку и давай ее раскачивать.

— Ой-ой-ой! — кричит Дед Мороз. — Осторожно! Теперь вы мне всю голову оторвете!

Но, видно, крепкую наморозил Дед сосульку. Скрипит она, а от крыши не отламывается. Так всю ночь и промаялись с ней зря.

А утром проснулось Солнышко. Смотрит: что за канитель возле крыши? Поняло, в чем дело, рассмеялось:

— Так и быть, помогу старику!

Дотронулось Солнышко до сосульки оранжевым пальчиком, и начала сосулька таять. Потекла вода по бороде, по шубе Деда Мороза.

Наконец оттаял у него нос, а ноги-то не держат — обессилел, устал старик.

Звал его тогда Ветер на свои широкие плечи и понес на север. Долго лечился там Дед Мороз. Только к следующему году поправился. А вот нос так и остался красным.

Потому-то и зовут его с тех пор не просто Мороз, а Мороз — Красный Нос.

Рисунок Я. МИРОШНИЧЕНКО.

В объективе — женщины США

**ОНИ
НЕ
ОТСТУПИЛИ!**

Эта гигантская забастовка началась еще в октябре прошлого года. Она распространилась по 33 штатам, охватив 153 предприятия монополии «Дженерал элктрик».

150 тысяч рабочих добивались от хозяев повышения заработной платы, лучших условий жизни. Немногим менее половины — 70 тысяч бастовавших — женщины. Одно из требований работниц — равная с мужчинами оплата труда.

Хозяева «Дженерал элктрик» несли убытки, исчисляемые миллионами долларов, но упор-

но отказывались выполнить законные требования рабочих. Не отступили и забастовщики: несмотря на каждодневные трудности и лишения, они держались стойко и выиграли это сражение с предпринимателями. Десяти профсоюзов и других рабочих организаций поддерживали бастующих: собирали в стачечный фонд деньги и продовольствие, бойкотировали товары фирмы «Дженерал элктрик».

На снимке, взятом из американской газеты «Дейли уорлд», вы видите пикет работниц у одного из заводов «Дженерал элктрик».

«СОЛДАТЫ — ДОМОЙ!»

Организация «Женщины, боритесь за мир» не прекращает активных выступлений против агрессивной войны США во Вьетнаме. Недавно три участ-

ницы этого движения побывали в ДРВ, американок принимали руководители республики и представители женских организаций.

Вернувшись домой, Кора Вейс, Марлин Дюкелс и Этель Тейлор отправились по американским городам, чтобы рассказать своим соотечественникам правду о грязной войне, которую их правительство ведет на чужой земле за океаном. «У нас нет никакого права силой оружия навязывать вьетнамскому народу свою волю», — говорила на одной из встреч с женщинами Кора Вейс. — Наши солдаты должны вернуться домой».

На снимке: Кора Вейс и Марлин Дюкелс на пресс-конференции в Сан-Франциско.

Фото из газеты «Дейли уорлд».

**ТРЕБОВАНИЕ
НОМЕР ОДИН.**

Работницы предприятий, выпускающих дамскую одежду в Балтиморе (штат Калифорния), получили от своего профсоюза долгожданный подарок — детский сад — первый и пока единственный в этом большом городе. Детсад удовлетворил лишь

малую долю нуждающихся. В особенно трудном положении оказываются члены мелких профсоюзных организаций. Строить и содержать детские учреждения на свои средства такие профсоюзы не в состоянии, а государство не выделяет на эти цели ни одного цента.

Недавно комиссия по работе среди женщин ЦК Компартии США выступила с заявлением, в котором призывает добиваться от правительства создания сети государственных детских учреждений.

На снимке: демонстрация молодых матерей в Калифорнии.

Фото из газеты «Пиплз уорлд».

Г. АЯЗМАН

УМЕНИЕ ПЛЮС ЗНАНИЯ

Огромный путь проделан многомиллионным, многонациональным советским народом от первого декрета о ликвидации неграмотности, подписанного В. И. Лениным, до решения XXIII съезда партии о переходе ко всеобщему среднему образованию.

Этот колоссальный культурный сдвиг свидетельствует о переменах во всей нашей жизни.

Современная промышленность — заводы-гиганты, оснащенные новейшей техникой, уже сегодня требуют высококвалифицированных рабочих, людей образованных, знакомых с физикой, химией, математикой, имеющих представление о кибернетике. Новое оборудование, новые методы организации труда, управления производством приходят на старые предприятия, и перемены эти неразрывно связаны с появлением молодой, технически грамотной рабочей смены.

...Мы в краю угля и металла, на Кузнецком металлургическом комбинате, где закладывалось индустриальное могущество нашей Родины. Первенец первой пятилетки вырастил не одно поколение рабочих, среди которых немало прославленных героев труда. Здесь сложились хорошие традиции воспитания новой смены. Поэтому именно здесь, на Кузнецком комбинате, за круглым столом и собрались учителя и рабочие, инженеры и родители. Собрались обсудить то, что сегодня волнует всех: как учить, как воспитывать, как готовить молодежь к трудовой деятельности в условиях стремительного развития науки и техники.

Начал разговор

Виктор Константинович ДЕМИДОВ,
заведующий горно.

Добиться, чтобы ребята получали среднее образование, — задача, жизненно необходимая. Необычайно важно, чтобы все родители поняли: среднее образование не только ступенька для поступления в вуз. В семидесятых годах двадцатого века — это путевка в трудовую жизнь.

Молодежи предоставлена широкая возможность выбора — где получить среднее образование. Кроме школы, его дают и многие профессионально-технические училища и техникумы.

Часть юношей и девушек, которые сейчас приходят на комбинат, окончила во семь, а то и семь классов. Завод поступает правильно, когда, принимая этих ребят на работу, ставит условие: продолжай учиться. Хорошо, что в заводских памятках «Оному другу», которые вручаются новичку, указаны адреса школ рабочей мо-

лодежи. И справка о поступлении в такую школу представляется новичком вместе с документами в отдел кадров.

Да и в самих школах для молодых рабочих созданы условия, помогающие совмещать учение и труд. Введены сменные занятия, зачетная система, проводятся дополнительные консультации. И все же школы рабочей молодежи наполовину пустуют. Пройдите по классам во время урока — где пять, где десять человек. К концу учебного года недосчитываем 30 процентов учащихся. Где они? Почему не учатся? Такое положение нетерпимо и должно вызывать серьезную тревогу заводской общности и администрации.

Александр Григорьевич КАРТАВЫХ,
мастер листопркатного цеха,
Герой Социалистического Труда.

Я металлург, и для меня лучше этой профессии нет. И предприятия дороже и роднее КМК тоже нет. Ему отдано 29 лет жизни. И мне обидно, когда я вижу, с какой легкостью иные молодые ребята, не успев освоиться на комбинате, уходят с него.

Поработает новичок месяц-два, от силы полгода — и берет расчет: не понравилось. Но, смотришь, он и на другом месте не задержался и на третьем. Ему едва исполнилось семнадцать, а трудовая книжка уже пестрит штампами «по собственному желанию». Если же разобраться, то он и желаний своих не знает. Неумелый, не приученный к труду, он теряется в большом цехе, где все спешат, каждый занят своим делом. Ему бы побольше внимания. А подчас нет рядом доброго человека, который ободрит бы: «Не робей! Привыкнешь, обучишься». И помог бы, коли надо. Глядишь, и меньше стало бы летунов среди молодежи.

Бываю я в профтехучилищах. Хорошо, что вместе с профессиями ребята получают теперь среднее образование. По себе знаю, как это важно: сам в 35 лет сел за школьную парту.

Григорий Иванович ПЕРМИНОВ,
начальник механического цеха № 2.

У нас в цехе много хороших подростков, серьезных, думающих. Двенадцать бывших учеников закончили техникум без отрыва от производства. Двадцать — учатся, причем охотно. Но приходят к нам и такие ребята и девчата, которые не только не имеют желания учиться, у них и желания трудиться нет. Да и к самой элементарной дисциплине не приучены. Вот и приходится нам начинать с азов: простейшим трудовым навыкам обучать, все время твердить

им, что опаздывать на работу нельзя, убеждать из цеха до конца смены нельзя, прогуливать нельзя ни в коем случае. Много времени на это уходит. Тут, наверное, школа виновата и родители тоже.

Дмитрий Петрович ГАПЕН,
директор средней школы № 67.

Мы живем в городе металлургов, строителей, шахтеров. Школы, естественно, должны готовить кадры для тех предприятий, которые уже есть и возникнут в городе в ближайшие годы. Поэтому так велико значение профориентации.

Традиционными в нашей школе стали встречи с людьми разных профессий. Но, вероятно, этого мало. Надо по примеру высших учебных заведений устраивать дни открытых дверей на предприятиях. Пусть ребята походят по цехам, постоят рядом с мастерами на их рабочих местах. Может, и зацепятся за профессию, станут о ней мечтать и к ней готовиться.

У сегодняшних школьников большая тяга к технике. Технические кружки, как правило, ведут наши же учителя. А хотелось бы, чтобы пришли специалисты из цехов, тогда ближе станут кружки к современному производству. Механический цех № 2 дал нам руководителя слесарного кружка. Спасибо! Можно не сомневаться, что часть учеников после окончания школы придет во второй механический. А вот цех КИП и автоматики, например, так и не выделил специалиста, сколько школа ни просила.

Профессиональной ориентации должны помогать уроки труда, работа в мастерских. Беда в том, что в большинстве школ мастерские оборудованы бросовыми станками, устаревшими инструментами. И тут нужна помощь предприятий. Затраты будут не ахти какие, а польза ощутимая.

Ольга Андреевна МАКУРИНА,
машинист-оператор
средне-
сортиного цеха, Герой Социали-
стического Труда.

Вспоминаю свой первый день на комбинате. Привел меня сосед, он старшим сварщиком работал. Пошли с ним по цехам. Он шел, со всеми здоровался и о каждом мастере мне рассказывал: что за профессия у него, сколько лет работает на этом месте. Всех он знал на комбинате, и его тоже знали. Я робела, когда со мной заговаривали, расспрашивали, кто я, зачем пришла. Но именно тогда поняла: хочу быть среди этих людей.

Наверное, так и надо встречать каждого новичка, чтобы не только из памятки мо-

Олег ТРИФОНОВ,
начальник лаборатории,
кандидат технических наук.

Хорошо учиться только тот, у кого появился интерес и потребность к знаниям. Приходилось слышать от ребят: «Стоит ли учиться, если я вальцовщик и мой сменщик тоже вальцовщиком вкальвает, хотя он и студент института. Выходит, и почет нам один и зарплата равная».

Бывает, что не только студент, но и техник и инженер какое-то время остаются на рабочих должностях. Но, во-первых, от этого польза молодому специалисту. Я сам прошел такую школу, знаю. А во-вторых, доля участия образованного человека в общем труде, как правило, выше, культура работы иная.

Наш комбинат — детище тридцатых годов. У нас еще много подсобных работ, ручного труда. Но великолепный образец современного предприятия рядом — Западно-Сибирский металлургический завод, цехи Запсиба должны посмотреть все молодые рабочие.

Но ведь и Запсиб не предел технического прогресса. Ученые сейчас вынашивают мысль о создании проекта нового металлургического предприятия, совершенно не похожего ни на одно из существующих. Это будет металлургический завод-автомат. И управлять им будут электронно-вычислительные машины. Какое же нужно иметь образование, чтобы командовать такими машинами? Вот о чем должны задуматься ребята, не получившие среднего образования. Как они будут осваивать такое производство? А такая задача неизбежно станет перед каждым рабочим в самом недалеком будущем.

Полина Федоровна ТЮРИНА,
начальник отдела технического обучения.

Когда начинаешь интересоваться, кто отцы и матери тех подростков, которые и учиться не хотят и в цехе лодырничают, нередко, к удивлению, узнаешь, что родители — наши же рабочие.

Мы по много лет работаем бок о бок, все друг о друге знаем — и хорошее и плохое. О хорошем еще иной раз поговорим, порадуемся за товарищей. Но вот о безобразиях, которые происходят в некоторых семьях, хотя и знаем, часто молчим. Считаем, что не наше это дело. Надо больше и резче писать о таких нерадивых воспитателях в многотиражке, говорить по радио.

Учителя просят, чтобы производственники чаще приходили в школу. Это правильно. Но и мы просим учителей чаще бывать на комбинате, беседовать с рабочими, объяснять, доказывать, как необходимо их детям среднее образование. Конечно, обязанность убеждать лежит и на нас, и особенно на специалистах завода, потому что они на своем опыте убедились в необходимости получения знаний.

Всеобщее среднее образование — задача нелегкая; за нее надо браться сообща.

* * *

Разговор, начатый за круглым столом, не исчерпал, конечно, проблемы, поднятой его участниками. Много было предложений, споров, тревожных раздумий. Но все сходилось на одном: среднее образование необходимо каждому подростку, вступающему в трудовую жизнь. И каждому подростку нужно дать широкую профессиональную ориентацию, помочь ему выбрать желанную профессию. Тогда он полюбит ее и станет гордиться ею.

Л. БУРМИСТРОВА,
А. ФОМИЧЕВА.

Разговор о главном...

Фотоэтиюд Г. Дубинского.

лодого рабочего, в которой все перечислено, узнавал он, что пришел на заслуженный, прославленный комбинат, награжденный орденом Ленина, орденом Кутузова I степени, орденом Трудового Красного Знамени. И гордость за родной завод мы, кадровые рабочие, должны передавать молодым, как передали нам ее старики.

Лилия Валентиновна РЕВЯКИНА,
мастер производственного обучения.

На комбинате я начинала весовщиком. Но мне нравилась работа машиниста электромостового крана. Бывало, посмотрю наверх и думаю: надо же, такая машина, а управляет ею один машинист. Смотрела, смотрела да и поступила на курсы.

Четырнадцать лет я крановщица. За это время закончила металлургический техникум. Почему же я, имея профессию, опять пошла учиться? К нам поступили краны новой конструкции. И я поняла, что, несмотря на опыт, мне не хватает знаний, чтобы освоить эти машины.

Теперь я сама обучаю молодежь. Принимаем мы на курсы в основном ребят после десятилетки. Техника стала другой. Требуется знание физики, электротехники, умение разбираться в чертежах.

Почти во всех цехах работают мои бывшие ученики, более 150 ребят и девчат обучила. Что меня радует — это их увлеченность своей профессией и желание учиться дальше. Многие занимаются в техникумах и институтах. Например, Рая Сухарева и Валя Чекмазова — машинисты крана котельного цеха — студенты 3-го курса металлургического института.

Семен Иванович ЗУБАРЕВ,
зам. секретаря партийного
комитета КМК.

Нам сделали справедливый упрек: многие молодые рабочие бросают учебу. Нельзя сказать, что мы не занимаемся воспитанием молодежи. Создан специальный методический совет, который следит не только за профессиональным обучением, но и за общим образованием молодежи. Следят за этим и комсомол и профсоюзная организация. Но, видимо, что-то делается не совсем так, как следовало бы. Думаю, главный наш просчет в том, что мы работаем с молодежью вообще, а не с Таней, Колей, Петей — с каждым в отдельности. Любыми мероприятиями стараемся охватить всех и во что бы то ни стало. А у каждого своя индивидуальность: характер, привычки, вкусы. Может быть, плохие — надо их менять. Но надо знать, что менять. У каждого свой интерес, и его тоже надо знать. Заметили, что парень или девушка вникает в технику, косит глазом на новый мостовой кран, вот тут самое время сказать: «А знаешь, уже есть новые, более совершенные. Пойдем, я тебе покажу». Нет возможности дать «пощупать» новинку, порекомендовать книжку. Может, на первый раз самому отвести в библиотеку, почитать с ним в каталогах. У нас же великолепная техническая библиотека. Потом собрать таких любознательных и пригласить инженера-специалиста, чтобы рассказал он о недалеком будущем комбината, о той технике, что приходит на смену старой. Такой подход, такая кропотливая работа с каждым постепенно подведет ребят к главному: к пониманию необходимости учиться.

Ничего у меня не болело, был я здоров как бык, все зубы на месте, руки и ноги целы, а моим легким мог позавидовать любой марафонец. Я раскрыл рот, сказал «а», парни заглянули мне в рот и объявили, что никакой ангины нет, просто краснота, и только.

В сушилке мерно стучала веялка, со скрипом скользила лента эскалатора с зерном. В распахнутую настежь двустворчатую дверь проникал столб света. Золотисто клубилась в нем пыль.

— И все-таки я пойду!

— Иди, иди! — сказал насмешливо рыжий Симер.

Амбулатория помещалась в старинном парке. Длинную одноэтажную постройку окружали липы, дубы и клены. На пороге сидел серый кот, глядя на меня задумчиво и мудро. Я миновал пустую переднюю, пустую приемную и вошел в кабинет.

Доктор сидела за столом и читала книгу в зеленом переплете. Когда я вошел, она закрыла и отодвинула ее на край стола. Я успел прочитать заголовок: «Муратов. Образы Италии».

— Здравствуйте, — сказал я.

— Добрый день, — ответила доктор.

Да, ее можно было назвать красивой. Но это была суровая красота, без тени легкомыслия, без кокетства, даже без улыбки. Доктор смотрела на меня серьезно, взгляд ее серых глаз, казалось, просвечивал меня насквозь. Она сидела спиной к окну, свет падал поверх ее плеча. Халат на ней был ослепительно бел. И вдруг я вспомнил, какой я грязный, пыльный и мятый. Оглядел свои башмаки. Под шнурки забились солома, правда, чистая, желтая, но все же солома. Ну и что, подумал я, зато я здоров как бык.

— А где же больные? — спросил я.

— Пшеницу убирают, — ответила доктор. — Тут народ крепкий. Когда идет уборка, к врачам ходят только старухи. На что жалуетесь?

— Не знаю, — ответил, — сам не знаю, что со мной.

— Ах, не знаете? — переспросила она с расстановкой. Прежде она глядела на меня доверчиво, внимательно и доверчиво, теперь взгляд ее стал холодным, отчужденным. — У вас что-нибудь болит?

— Понимаете, — сказал я, — моя болезнь не совсем обычная. Мне о вас так много говорили, что я заболел от любопытства.

Она не ответила, мы молча смотрели друг на друга. Наверное, солнце укрыла туча, потому что свет за окном потускнел. Мы молчали, пока солнце не вышло из-за тучи и окно опять не озарилось. Молчание длилось три или четыре секунды.

— И никакие лекарства не помогают? — спросила доктор.

— Помогают, но чтобы окончательно вылечиться, я должен вас видеть чаще.

— Это ничего не даст, — ответила доктор, даже не улыбувшись. Думается, она напускала на себя строгость.

— Спасибо, — ответил я так же серьезно.

— Всего хорошего!

Я миновал пустую приемную, пустую переднюю. На пороге сидел серый кот, глядя на меня задумчиво и мудро. Я сбежал вниз с крыльца, заскрипели ступеньки, а мне показалось, что за спиной ухмыляется кот.

Я вернулся в сушилку, и мы дотемна таскали мешки с пшеницей.

— Видала она таких, — говорил презрительно Симер. — У нас тут все к ней подкатывались. И всем, как говорится, от ворот поворот.

Алберт БЭЛ

Рассказ

Рисунки

И. УШАКОВА.

— А вдруг мне не будет поворота?

— Подумаешь, какой нашелся! — усмехнулся Симер. — Чем ты лучше других?

— Послушай, — прервал я его, — ты бы рассказал о ней поподробней.

— У нас она первый год. Только что институт окончила. Старушечки души в ней не чают. Такая умная, чуткая! Парни тоже в ней души не чают, но, конечно, по другой причине. Обступили ее, как олени копы сена. Тут она и замкнулась в себе.

— Вот именно, — сказал я, — как олени! Тут замкнешься...

На следующий день опять стучала веялка, ползла со скрипом лента эскалатора с зерном. Столб света заглянул в распахнутую настежь двустворчатую дверь, а это означало, что настал обеденный перерыв.

— Пойду, пожалуй.

— Мало тебе одного раза, да? — усмехнулся Симер.

— Мало.

Доктор сидела за столом, читала «Образы Италии».

— Здравствуйте.

— Добрый день.

Больше мы не сказали ни слова. Она сидела читала. Я стоял у дверного косяка и смотрел на нее. За окном шумели липы. За липами громыхла машина. В парке смеялись дети.

— До свидания, — сказал я.

— Всего хорошего, — ответила она.

Я каждый день приходил в амбулаторию.

Вверх по скрипящим ступенькам, мимо ухмыляющегося кота, через пустую переднюю, пустую приемную — в кабинет с белыми стенами. На третий день она кривила губы, на четвертый — улыбалась, на пятый — рассмехалась.

На шестой лед был сломан.

Я хотел остаться серьезным до конца и еще на крыльце напустил на себя мрачность. Когда вошел в кабинет, она по своему обыкновению сидела за столом. Я забыл сказать «здравствуйте», только притворился за собою дверь.

У нее на глазах были слезы.

— Что случилось? — спросил я.

Мне показалось, ее кто-то обидел, я разозлился, я готов был растерзать обидчика.

— Перестаньте, прошу вас, — проговорила она. — Как вам не стыдно?

Тут я понял, что обидчик — я сам.

Поселок остается поселком. И, конечно, мои хождения не остались незамеченными, а злые языки разносили молву, что молодая врачиха нашла наконец ухажера по душе. Представляю себе, как об этом шептались тетушки и с какой охотой их слушали.

Теперь было ясно: доктор ко мне равнодушна. Об этом я прочитал в ее глазах. Я пожалел о том, что докучал ей своими частыми визитами. И вдруг я покотился со смеху.

— А знаете, — проговорил я с перекошен-

ным от смеха лицом,— я уж было решил, что влюбился!

Чего тут смешного, когда человек влюбляется?

Но я смеялся так заразительно, что доктор, не сдержавшись, рассмеялся вместе со мной. Окно было открыто, а мы смеялись так громко, что люди, проходившие по липовой аллее, косились в нашу сторону. По саду улепетывал кот, перепуганный приступом нашего смеха.

— Вот обыватели! — все еще смеясь, сказала доктор.

— Именно, обыватели! — согласился я.

— Мы, — сказала она, — мы с вами обыватели!

— Но и они, они тоже!

— Да, они тоже!

— И мы!

— Ну да, и мы!

— Вы не сердитесь? — спросил я.

— Нет, теперь уже не сержусь.

Мы как-то сразу почувствовали себя старыми друзьями. Говорили о Риге, об органических концертах, о липах и липовом чае, о людских характерах и причудах больных. Потом я сказал, что на днях уезжаю. Завтра воскресенье, а в понедельник рано утром уезжаю.

— Завтра праздник урожая, — сказала она.

— Да, праздник.

— Пойдете?

— Непременно!

— Ну, тогда до завтра!

В воскресенье мы встретились в парке. После концерта были танцы. Наскоро сколоченный помост прогнулся от тяжести танцующих.

У буфета мы пили пиво прямо из бутылок, потом танцевали. Народу было много. Люди убрали хлеб, обмолотили, засыпали в амбары, теперь можно было поразвлечься, что они и делали. Солнце закатилось, в парке зажгли электричество, танцы продолжались. Мы встретили Симера с ребятами.

— О-ла-ла! — удивился Симер. — Не хотите выпить за компанию?

Доктор призналась — предпочла бы танцевать, и опять мы с ней танцевали.

— Ну, мне пора, — сказала она.

— Мне тоже.

Возле амбулатории мы остановились. Она жила в этом же здании, только в другом конце. Ночь была темная. По небу плыли облака, и ни одной звезды.

— Знаете, — проговорила она задумчиво, — одно время мне казалось, что вы действительно влюблены.

— Да что вы, — отозвался я, — ничего подобного.

Потом мы целовались. Мы же не деревенные, кровь молодая, мне двадцать четыре, ей столько же. Трудно было бы не целоваться после такого чудесного вечера, после такого чудесного праздника.

— Не надо! — вскрикнула она и убежала.

Я не двигался с места, пока не хлопнула дверь. Я перестал понимать, где кончилась шутка, где начиналось серьезное. Я преступил границу. С шуткой вторгся в пределы серьезного. Я был агрессором. Безнаказанно никто не преступал чужой границы. И я должен был понести наказание, только не знал, каким оно будет.

Когда вернулся домой, Симер был уже там. Сидел на кухне, курил.

— Завтра уезжаешь? — мрачно спросил он.

— Да.

— Доволен?

— Доволен! А ты чего раскис?

— Когда опять приедешь?

— Не знаю. Может, приеду. Пора за дипломную работу браться.

— За дипломную, — проворчал Симер. Лицо его было мрачно. — Сволочь, вот ты кто, — буркнул он.

Значит, и ему известно, что я преступил границу. Я видел, что ему нелегко дались эти слова. Мы все лето работали вместе. Я и жил у него, и, что называется, пуд соли вместе съели. Я знал каждую жилку на его руке. А сколько мешков с пшеницей, рожью, горохом мы перетаскали! Мне казалось, я знал его мысли так же хорошо, как его руки. Руки у него были очень порядочные.

— Откуда ты знаешь? — спросил я его.

— По носу вижу.

Мне не хотелось признаваться в своем поражении. Я подыскивал слова, чтобы объяснить ему, что в общем-то я славный малый, что границу перешел нечаянно, хотя знал, что он на это скажет: «Не все ли равно, нечаянно или чайно», — но слова надо было отыскать, иначе бы я остался «сволочью» не только в глазах Симера, но и в своих собственных глазах.

— Я же не могу любить тебя!

На лице у Симера выразилось недоумение. Что это, мол, за шуточки? Но я был серьезен.

— Конечно, нет. Я не женщина. Но при чем тут я, когда речь о докторе?

— Она мне друг, и только. Такой же друг, как и ты. Не больше!

— Она красивая, — сказал Симер.

— Ну и что? — возразил я. — Разве у меня не могут быть красивые друзья? Разве ты, добрый дядюшка, заступник женской доли, не способен допустить такое?

— Может, ты и не сволочь, но студент и умник до мозга костей! — вздохнул Симер.

Утром я встал пораньше, чтобы успеть на поезд. По лугам и полям стелился туман, а за туманом пели петухи, за петухами попыхивал трактор, и это была жизнь. Капли росы оседали на плечи, на лицо и волосы. И петушьи крики и пыхтение трактора западали в душу. А там, за туманом, за петухами и тракторами, скрывалось что-то неведомое, и я старался разгадать это неведомое, удержать его. Тогда бы им заполнилось утро, и не только это утро.

На станции купил билет, посмотрел расписание, вышел на перрон. И тут я осознал то неведомое. Я преступил еще одну границу.

Мне стало легко и страшно.

Рельсы улетели в туман парой вальдшнепов.

Тяжелым и серым пластом улегся у рельсов перрон, а по нему шла она.

Я подумал, как хорошо, что я наконец дождался утра, когда из тумана, из неведомого навстречу мне идет моя любовь.

— Я пришла проститься, — сказала она.

Перевел с латышского
Сергей Цебаковский.

Рафаэль. Автопортрет.

РАФАЭЛЬ

В апреле этого года отмечается 450-летие со дня смерти одного из величайших итальянских художников — Рафаэля.

Рафаэль Санти жил в эпоху Возрождения. Это было время, когда и науки и искусства, сбрасывая с себя путы средневековых представлений о мире, борясь с церковными догмами, начинают стремительно и бурно развиваться. Родиной Возрождения была Италия. Именно здесь на смену церковному искусству впервые приходит искусство светское, стремящееся отразить реальную действительность.

Рафаэль прожил короткую жизнь — всего 37 лет. Он родился 6 апреля 1483 года и умер 6 апреля 1520 года, проболев несколько дней лихорадкой. Умер в самом расцвете своего таланта. В памяти потомков он остался художником, воплотившим в картинах представление о свободном, духовно и физически совершенном человеке.

Рафаэль сам был нан бы олицетворением идеального человека. Он был красив, умен, талантлив и исполнен доброжелательства к окружающим.

Жизнь его сложилась счастливо. Рафаэль родился в маленьком городке Урбино, в семье придворного живописца и поэта герцогов Урбинских Джованни Санти. Он с юных лет попал в среду ученых, поэтов, художников. Первые уроки живописи Рафаэль получил у своего отца, а с 1499 года он работает в мастерской известного живописца Пьетро Перуджино. К ранним работам Рафаэля относится «Мадонна Конестабиле» — одна из жемчужин коллекции итальянской живописи Эрмитажа (Ленинград). В этой маленькой картине в форме тондо (круга), диаметр которой всего 18 см, сказались все очарование кисти Рафаэля. Возможно, эта юная и удивительно нежная мадонна была навеяна образом матери Рафаэля, умершей, когда ему было 8 лет.

В 1506 году Рафаэль переезжает во Флоренцию. Здесь совершенствуется его мастерство и он становится зрелым художником. Мадонны Рафаэля флорентинского периода не только женственны и обаятельны, они величественны. Таковы «Мадонна со щегленком» (Флоренция, Уффици) и «Прекрасная садовница» (Париж, Лувр). Если раньше Рафаэль писал мадонну-девочку, то теперь его мадонны — женщины в расцвете молодости и красоты, счастливые и гордые материнством.

К флорентинскому периоду относятся и первые портреты, созданные Рафаэлем. Он получает множество заказов, его слава разносится по всей Италии. И вот в 1508 году папа Юлий II вызывает Рафаэля в Рим. Ему поручают роспись станца (комнат) Ватикана. Вместо заказанных аллегорических фигур богословия, философии, поэзии, юриспруденции художник, отказавшись от проторенного пути, создал большие композиции («Афинская школа», «Диспута» и др.), в которых изобразил поэтов и философов античности вместе со своими прославленными соотечественниками и современниками.

В этой работе, которая продолжалась до самой смерти Рафаэля, художнику удалось как бы слить воедино архитектуру и живопись.

В эти же годы (1513—1514) было написано и самое прославленное его произведение — «Сикстинская мадонна», ныне находящаяся в галерее в Дрездене.

...Легко ступая по облакам, Мария спускается к людям, неся им самое дорогое — свое дитя. Она знает о грядущих страданиях, ожидающих ее сына, оттого стал таким невидящим взгляд ее больших, широко открытых глаз.

В ней чистота и сила, удивительная простота. Это самая человеческая женщина — мать из всех когда-либо созданных художниками.

Во время второй мировой войны «Сикстинская мадонна» вместе с другими сокровищами Дрезденской галереи была вывезена гитлеровцами из Дрездена и спрятана. После настойчивых розысков советские воины обнаружили картины вдали от города, в минированных пещерах, где они обречены были на гибель если не от взрыва, то от сырости. Советское правительство приняло меры по реставрации и сохранению картин. С этой целью их перевезли в Москву. В 1955 году с сокровищами Дрезденской галереи познакомились сотни тысяч советских зрителей, после чего картины были возвращены Германской Демократической Республике.

О «Сикстинской мадонне» существует огромная литература, ей посвящены книги, о ней писали Крамской и Герцен, Толстой и Достоевский.

Глубокая любовь к людям, красота и совершенство творений Рафаэля сделали его искусство бессмертным.

Ирина ЦАГАРЕЛЛИ

РАФАЭЛЬ.
СИКСТИНСКАЯ
МАДОННА (фрагмент).

А. ВЕНЕЦИАНОВ. НА ЖАТВЕ. ЛЕТО.

Со мной беседует кандидат технических наук Искра Александровна РОДАЕВА. Точнее, не беседует, а угощает. И, как радушная хозяйка, рассказывает о достоинствах предлагаемых кушаний. Мне предстоит попробовать новые молочные продукты, которые недавно появились или скоро появятся в магазинах.

— Лет десять назад,— говорит Искра Александровна,— в нашей стране вышла книга под названием «Молочная пища». В ней приведено 685 рецептов кушаний, которые могут быть приготовлены из молока. В книге рассказано о первых и вторых блюдах, закусках и сладком, о напитках и мороженом. Но таких рецептов могло бы быть и вдвое и вчетверо больше. Сколько именно — и сосчитать невозможно!

Ну, а много ли молочных продуктов мы вырабатываем на заводах и продаем в магазинах? Около ста названий. Здесь и молоко различных сортов — нормализованное, шестипроцентное, топленое; и кисло-молочные продукты — ацидофилин, кефир, кумыс; и различные сыры, в том числе и плавленые; и творожные сырки; и молочные консервы...

Но список этот, хотя он уже сегодня довольно велик, можно — более того, необходимо — расширять.

Чтобы новый вид молочного продукта можно было выпустить в широкую продажу, надо прежде в лабораториях института отработать заводскую технологию производства. И, конечно, должна быть уверенность, что новинка чем-то превосходит другие продукты.

Вот попробуйте... Это производство нашего опытного завода — «мечниковская простокваша». Она изготавливается из гомогенизированного молока.

Как готовится такое молоко? Обычное молоко пропускают через специальную машину под высоким давлением, в результате чего жировые шарики раздробляются и равномерно распределяются по всему продукту. Такое молоко отличается особым, мягким вкусом и ровной жирностью — оно не отстаивается, не образуется слоя сливок. Если гомогенизированное молоко стерилизовать, оно сохраняется очень долго — месяцами.

Молоко, из которого готовится «мечниковская простокваша», не обычное, а шестипроцентное. Знаете ли вы, что это такое? Жирность молока, получаемого от коровы, может колебаться довольно широко. На наших молокозаводах смешанное молоко многих тысяч коров приводится к единой для всей страны жирности — 3,2 процента. Такая нормализация производится и в других странах, но там уровень жирности иной: во Франции, скажем, 3,4 процента, в США — 2,9 процента. Можно выпускать в продажу и молоко повышенной жирности. Вот такое, например, как наше шестипроцентное, из которого делается «мечниковская простокваша». Кстати, удвоены в нем только жиры, а все остальные вещества содержатся в обычном количестве.

Но вернемся к простокваше. В состав ее закваски входит так называемая болгарская палочка. Такую закваску рекомендовал в свое время еще великий русский ученый Илья Ильич Мечников. Он считал, что простокваша, приготовленная на этой закваске, помогает отодвинуть наступление старости. Поэтому мы и назвали нашу простоквашу «мечниковской». Ну вот, а теперь попробуйте...

Я взял ложечку и, опуская ее в банку, заметил, что сверху нет слоя сливок или сметаны, которые поднимаются над простоквашей, когда вы ее сквашиваете дома. А вкус... Нет, я не берусь описать ласкающий, нежный и в то же время богатый оттенками вкус «мечниковской простоквашы». Но, поверьте мне, это было очень вкусно...

— А вот,— угощает Искра Александровна,— еще один продукт — сгущенное пастеризованное молоко. В нем не только жиров — и белка и сухих веществ вдвое больше, чем в нормализованном молоке. Продается оно в обычных молочных бутылках. Его можно употреблять и в готовом виде и вдвое разбавлять дома кипяченой водой.

Сгущенное пастеризованное молоко изготавливают два завода, не считая нашего опытного. Отзывы покупателей дают возможность предположить, что этот новый молочный продукт будет пользоваться большим спросом.

— Одна из проблем, которой занимается наш институт,— продолжает свой рассказ Искра Александровна,— новый метод сушки продуктов, имеющий большое будущее в консервной промышленности. Этот метод называется сублимацией. Осуществляется сублимация под вакуумом, при низкой температуре. При понижении давления жидкость начинает быстро испарять

ся — продукт замерзает. Дальнейшая сушка достигается возгонкой льда в пар, минуя жидкое состояние. Энергию для парообразования продукт получает различными способами.

Это лучший из способов консервирования. О его чудесных свойствах много писали. Я видела в одной научно-популярной статье изощтку: некий гражданин бежит под дождем домой, неся под мышкой большую щуку, законсервированную способом сублимации. Впитав дождевую воду, щука оживает и, вильнув хвостом, ныряет в ближайшую дождевую лужу... И действительно, впитав воду, высушенные сублимацией продукты не теряют ни питательности, ни вкуса. Сейчас вы в этом убедитесь сами.

Беру ложечкой белый рассыпчатый порошок, похожий на муку, и пробую. Нет, это не мука, это что-то молочное. Ну, вроде сухого молока, правда, с кисловатым привкусом.

— Порошок получен при сублимации. Теперь превратим его в натуральный продукт.

Искра Александровна насыпает порошок в лабораторный стакан и вливает в него воду из колбы.

— Попробуйте, что получилось,— предлагает она.

— Да это же отличная свежая простокваша!

Искра Александровна смеется.

И. А. Родаева в лаборатории.

Фото В. Кузьмина.

НОВЫЕ ЛИКИ МОЛОКА

— Вы хороший дегустатор! Впрочем, вкус простокваши смешать ни с чем нельзя... Но поговорим еще о сублимации. Был период, когда мы недооценивали значение этого метода консервации: кто-то посчитал его слишком дорогим и поэтому неперспективным — и много проиграли на этом. А ведь первый в мире патент на сублимационную сушку овощей был выдан в 1923 году в нашей стране. Сублимированные продукты из-за их малого веса — незаменимая еда для туристов, геологов, всех путешественников. В нашей молочной промышленности мы стараемся использовать сублимацию там, где консервирование никаким другим способом невозможно. Ну, например, для сохранения простокваши. Нет, это не тот продукт, что продают в банках под названием «сухой простокваша». Там сухое молоко с введенной в него культурой молочной палочки. Чтобы получить из нее простоквашу, надо не только растворить этот порошок в воде, но и ждать часов семь, пока молочнокислые бактерии превратят молоко в простоквашу. А сублимированная простокваша превращается в натуральную, в свежую за... ну, скажем, минут пять! Представьте, что значит для геолога на привале стакан простокваши, которую он получает, растворив в ключевой воде почти невесомый порошок! Помните сообщение о том, что трое наших ученых провели год в условиях полной изоляции от внешнего мира? Они пользовались такими же «невесомыми», сублимированными продуктами.

Попробуйте еще. Вот в этом стакане йогурт — одна из разновидностей простокваши. Во многих странах Европы распространен как раз йогурт, а не простокваша и кефир. А вот йогурт с добавкой фруктового сока. А вот ацидофилин. Не правда ли, вкусно? А я получила все эти продукты у вас на глазах из порошков, много месяцев пролежавших у меня в лаборатории.

Да, сублимированные продукты пока дороги. Они стоят от пяти до семи рублей килограмм. Эта стоимость в ряде случаев уже терпима. Но она будет непрерывно снижаться.

К сожалению, сублимационная камера, в которую помещают продукты, а затем производят в ней возгонку жидкости, пока не приспособлена для введения в поточный процесс. Над этим думают многие ученые.

Мы разрабатываем технологию сушки молочных продуктов национального ассортимента, которые невозможно законсервировать другим способом.

— И сливочного масла?

— Да, и сливочного масла. Вот порошок из сливок. В нем не хватает только воды. Добавьте ее — и вы получите... Нет, не то сливочное масло, которое вам известно. Вы получите сметанообразный продукт, очень вкусный и питательный, содержащий жир и белок. Мы называем этот продукт высокожирными сливками.

Мы уже упоминали о геологах. Представим их не в тайге, не на кромке полярного льда и не на заснеженных вершинах гор. Представим их в жаркой пустыне Каракум. Сливочное масло в герметичных масленках становится жидким, как вода. Но у геологов не масло, а сухие высокожирные сливки. Добавили немного воды — и готово... Понимаете, как удобно?

Сублимация — лучший из известных двадцатому веку методов сохранения многих продуктов. Этому способу консервирования принадлежит будущее.

М. ХВАСТУНОВ

ЛЮБЯТ ЛИ ОНИ АЛЕШКУ?

С родителями Алеши я познакомилась в редакции. Первой пришла мама, молодая, хорошо одетая, с приятным лицом. В серых глазах — слезы. Волнуясь, достала из сумочки школьную тетрадку. По косым линейкам ровными крупными буквами было написано: «Скоро я тоже буду ходить в школу». Пониже, взрослым почерком: «Молодец, Алеша, ставлю тебе «пять».

— Вот... это Алешенькина. Мы еще совсем недавно занимались с ним...

Она заплакала.

Больше года, как Алла К. рассталась с мужем. Сын Алеша сначала оставался с матерью. Но потом пришел муж и сказал, что без Алеши он не может, что имеет в конце концов на него права, что зарабатывает он больше и к жизни относится серьезнее, хотя бы потому, что значительно старше... Алеше у него будет лучше.

Алла отказалась наотрез. Как? Она, мать, должна отдать Алешу? Ни за что!

Через несколько дней отец украл Алешу из детского садика. Только через три месяца она нашла Алешу и привезла его домой.

— Я следила за каждым его шагом, но совсем недавно... — Слезы опять навернулись на глаза. — Всего на полчаса Алеша остался во дворе с ребятами. Этот негодяй подговорил ребят постарше, дал им конфет, ребята вывели Алешу на улицу. Там уже стояло такси. Понимаете, опять украл ребенка! Я мать. Я не сплю ночей, — ведь больше всего на свете я люблю Алешу!..

...По телефону я разыскала инженера К., Алешиного отца, и попросила его приехать в редакцию. Признаюсь, я ожидала его, полная недоброежелательства, готовилась к встрече с бездушным подлецом. Но он оказался вполне приятным человеком. Открытое лицо, и на глазах тоже слезы. Нет, слезы не приторные. И услышала я почти то же, что говорила Алла:

— Поймите, у меня нет на земле никого, кроме Алешки. Я не живу, не работаю, ничего не вижу и не слышу вокруг без него. И я же знаю — со мной ему будет лучше, не с ней! Ну, ничего, ничего. Скоро будет суд. Суд все решит. Суд разберется, кто из нас больше нужен Алешке...

Споры о детях — самые трудные из всех семейно-правовых конфликтов. Принцип у судей следующий: «При разрешении споров о детях суды прежде всего должны исходить из интересов ребенка. Следует передавать ребенка тому из родителей, который сможет создать наиболее благоприятные условия для его воспитания».

Но чтобы «исходить из интересов», чтобы определить эти «наиболее благоприятные» для ребенка условия, мало знать, сколько зарабатывают отец или мать, у кого из них лучше комната. Надо вникнуть в гораздо более сокровенные обстоятельства дела — определить, что за люди перед тобой. А легко ли это? Ведь и отец и мать стараются склонить суд на свою сторону. Кто из них прав? Кто вольно или невольно вводит суд в заблуждение?

Откройте новый Кодекс о браке и семье: «Родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей».

«Отец и мать имеют равные права и обязанности в отношении своих детей. Родители пользуются равными правами и несут равные обязанности в отношении своих детей и в случаях, когда брак расторгнут».

Наши законы гуманны, они отвечают интересам и детей и родителей.

И вот десятки и десятки людей, общественность, органы опеки и попечительства, члены суда изучают, исследуют и обследуют, проверяют снова и снова, думают, волнуются: с кем будет лучше ребенку? Решается судьба человека, который сам-то лишь спустя годы сможет ответить, правильным ли было решение.

По существу, родители перекладывают на плечи суда вопрос, который во многих случаях может быть решен только их сердцем, их совестью. Обращаясь в суд, они нередко забывают о самом главном: об ответственности перед тем, кто больше всех страдает в этой междоусобице — перед ребенком.

Мне рассказывали: Алеша, тот самый Алеша, которого так любят и мама и папа, каждый вечер клеивает замочную скважину бумагой. Он боится, что его «опять украдут»... Разве это не страшно? Любящие родители уверяют: «Я не могу без не-

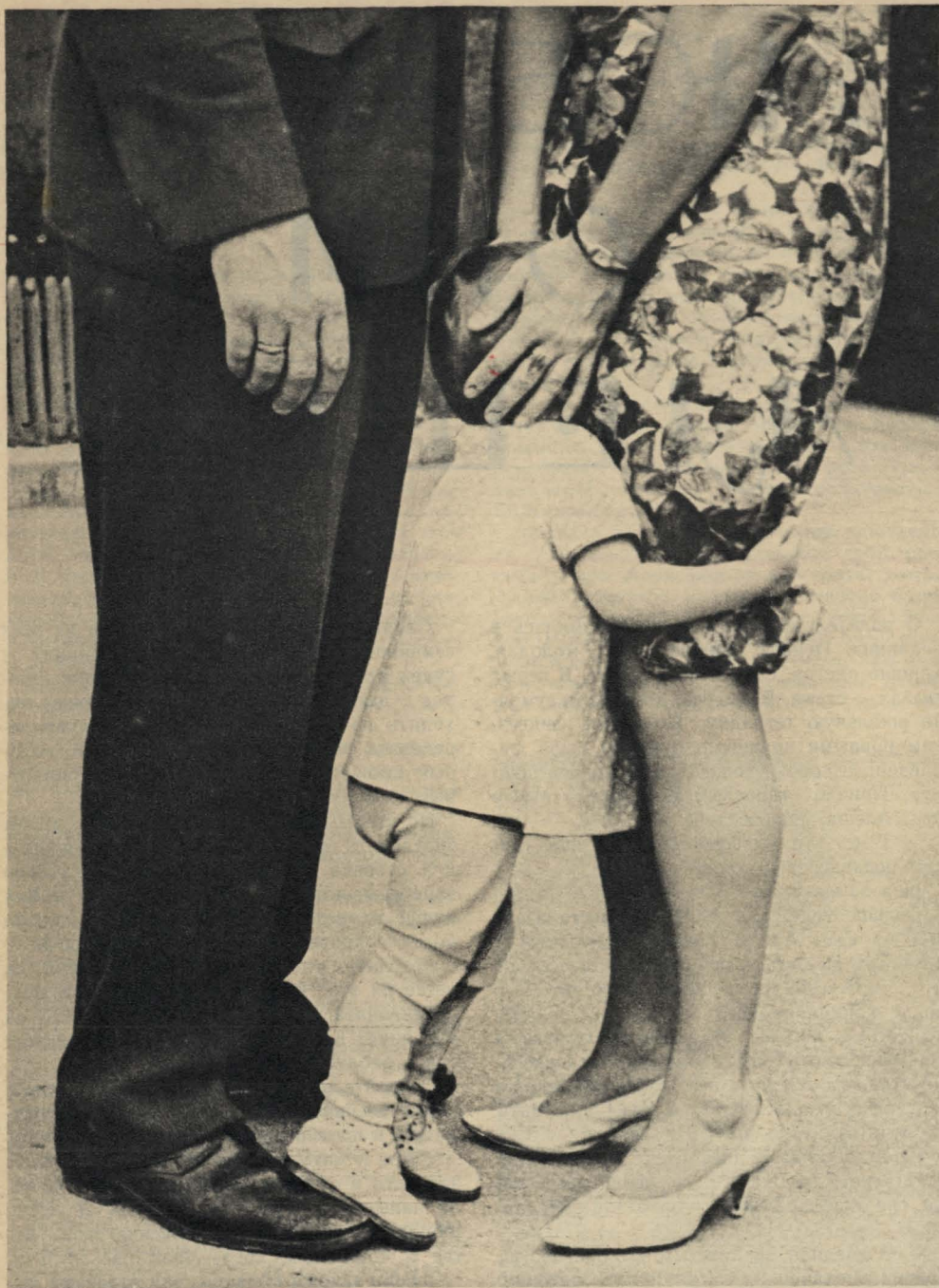

Фото нашего читателя Р. Крупнова (Москва).

го», — а ребенок превращен в запуганное, издерганное существо, порою со сломленной психикой.

Вот другая история.

...Семья Вазаговых жила недалеко от Орджоникидзе, в станице. Муж работал механиком, жена — кассиром в клубе. Родилась дочка Света. По молодости ли, по легкомыслию — судить сейчас трудно, — только мать не умела выхаживать маленькую дочку. И однажды отец привез ее к своей матери Марии Дмитриевне Вазаговой. Пятилетняя девочка была истощена, весила всего четыре с небольшим килограмма.

Много ночей провела Мария Дмитриевна около Светланы, чтобы не дать ей погибнуть, выходила. Через два месяца Светлана вернулась к родителям поправившейся. А через сорок дней ее снова привезли к бабушке в тяжелом состоянии. Снова выходила девочку, и с тех пор она осталась у бабушки. А родители ее разошлись. Зара

Вазагова уехала, завербовавшись, на Сахалин и вскоре стала Зарой Насиной. Уезжая, мать не пришла даже проститься со Светланкой.

Шли годы. Зара редко писала, сообщила только, что живет хорошо, что растут у нее двое сыновей. А девочка тем временем росла, все крепче привязывалась к бабушке, которая заменила ей мать, и жилось ей хорошо и спокойно среди любящих людей.

Но однажды произошло событие, перевернувшее все в Светланкиной жизни. Приехала незнакомая женщина и сказала, что она мама Светланы, чтобы та собралась поскорее, — она увезет дочку далеко-далеко... Светлана была в отчаянии. Она умоляла родных не отдавать ее.

Врач, постоянно наблюдавший за девочкой, нашел, что у нее реактивное состояние. Светланка вскакивала по ночам, кричала, днем она начинала вдруг плакать без видимой причины.

Заре пришлось уехать одной. Но в намерении забрать дочь она осталась непреклонна. Состоялся суд, который решил передать шестилетнюю Светлану на воспитание матери, — ведь мать не была лишена материнства.

Суд, несомненно, подошел к делу формально, вынося такое решение. Но, увы, это лишний раз подтверждает, как велика ответственность тех, кто обращается в суд, чтобы решить судьбу ребенка.

Не стану рассказывать подробно, как развивались дальше события. Приведу только короткую выдержку из обширных документов дела — «Акт... в части исполнения решения суда об отобрании ребенка, Вазаговой Светы»:

«Ребенок был вызван с урока в кабинет директора школы. На заданные вопросы — знает ли она свою маму и хочет ли поехать с ней, Светлана подняла истерический крик, сказала, что не хочет жить с мамой, что больше всех любит бабушку. Истиче Насиной было предложено приучить к себе ребенка, в дальнейшем иметь переписку с девочкой, чтобы та знала, поняла, что имеет родную мать».

Да, вот так и было написано, черным по белому...

Приходилось доказывать, что нельзя решением суда заставить дочь полюбить, что детей не пересылают, как посылку почтой, что нельзя забирать ребенка силой... Не кощунством ли звучит слово «люблю» в устах родителей, которые не понимают этого?

...К счастью для Светланы, ей теперь исполнилось двенадцать лет, и она получила право сама решать, с кем ей остаться.

Но как измерить всю глубину детской трагедии, пережитой за эти годы!

Детская психика слаба. Эгоизмом, величаемым родительской любовью, очень легко сломать в ребенке радость бытия, уничтожить его душевную доброту. Пережитое в детстве оставляет глубокий след, определяет порой все дальнейшее отношение к жизни. Тот, кто действительно любит ребенка, не может об этом не задуматься!

Вот что рассказала в письме в редакцию Зинаида Николаевна Шевченко:

«Давно уже, будучи двадцатилетней девочкой, связала я свою судьбу с человеком, имевшим раньше жену и ребенка. Было трудно, особенно первое время. Но мы обе, его первая жена и я, находили в себе силы сдерживать свои чувства — между нами был ребенок, годовалая дочка. Я старалась дать возможность мужу бывать у дочери, и, в свою очередь, его первая жена не запрещала дочке бывать у нас.

Время шло. У нас появился сын, а затем дочь. Дети часто встречались то в одной, то в другой семье. Такие отношения позволяли отцу быть не формальным плательщиком алиментов, а оставаться действительно отцом. Ни в той, ни в другой семье дети никогда не слышали неуважительных слов об отце или матери.

Сейчас наши дети выросли, обзавелись своими семьями. Они с удовольствием встречаются. А когда встречи происходят в нашем доме, для нас это большой праздник...»

Не всегда в наших силах избежать крушения семьи. Брак расторгнут. Но живет на земле новый человек, по отношению к которому вы имеете не только права, а и серьезнейшие обязанности. Одна из самых главных — уберечь ребенка от горя, сделать так, чтобы ошибки родителей не сделали его несчастным.

Я думаю, что со временем в суде не будет дел по «разделу» детей. Не должно быть.

З. ИЛЬИНА

ПЕРСОЛЬ

ВОЛШЕБНИКИ ИЗ ОБКОМА ПРОФСОЮЗА

Перечитывая редакционную почту — письма читателей, копии редакционных запросов, ответы на них, мы невольно припомнили что-то родное, полузабытое, слышанное нами в детстве... Ну, конечно же, сказки! Про Золушку, например, со злой мачехой, доброй волшебницей и счастливым концом.

Почему? А вот давайте возьмем письмо дозировщиц Серовского ферросплавного завода тт. Байбородовой, Петренко, Коноваловой и вместо действительных лиц подставим сказочные персонажи. Итак, сказка... Пожалуй, даже сказ, поскольку дело происходит на Урале.

...Робили на Серовском ферросплавном заводе, в цехе № 2, бабонки-дозировщицы. Справно робили, старательно. А условия труда плохие были: в цехе мокро. Зимой зуб на зуб не попадает. Руду факелами согревают.

— Погоди, родимый, — упреждали дозировщицы начальника цеха, — явится тебе Хозяйка медной горы, наладит тебе по хребту за это!

— Ништо! — отвечал родимый и не реагировал на критику.

И написали работницы в редакцию — и явилась на завод Хозяйка, то есть Главный технический инспектор Свердловского обкома профсоюза металлургов тов. Шев-

цов. Пыль-копоть извел, отопление-сугрев наладил, мероприятия самоновейшие внедрил — словом, хоть на ВДНХ выставляй.

Почитали мы такие сказки — один, другой — и призадумались: так ли уж нужно обращаться к волшебнику (в редакцию, в обком профсоюза и так далее), чтобы получить, например, обычные халаты, которых столь долго, с привлечением разных организаций, добивались у своей администрации работники Павловского опытного завода механизированного инструмента.

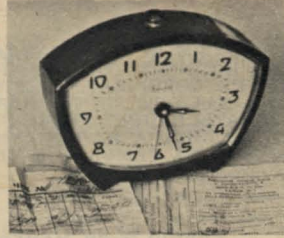
Почему нужно было начальнику Горжилуправления гор. Кировограда тов. Полтавцу заводить многодневную переписку с тем, чтобы сперва отказать, а потом, после вмешательства со стороны, выделить гражданке З. немного шифера для крыши ее дома? Ведь была у него в руках собственная волшебная палочка, в данном случае обычная авторучка...

Почитали мы эти сказки и подумали: а ведь для того, чтобы назвать белое белым, а черное черным, совсем не надо превращать дозировщиц в корреспондентов.

Гарантируем славу доброго волшебника в самый непродолжительный срок каждому администратору, который будет добросовестно выполнять свои непосредственные служебные обязанности.

Факты, сообщенные нам читателями, для этого номера «оперсолили»: Михаил Владимов, Устин Малапагин, Валентин Преображенский и Евгений Шабельник.

Наш посылторг

„ВИТЯЗЬ“ И СЛЯЩИЕ КРАСАВИЦЫ

Недавно я купила будильник марки «Витязь» Ростовского часового завода. Продавщица проверила только звон. Дома же оказалось, что будильник не заводится и не ходит. А на его паспорте — три штампа ОТК-281.

В часовых мастерских его не чинят, говорят, что бракованных «Витязей» очень много... Не знаю, что делать с будильником, посылаю его вам.

Н. МИХАЙЛОВА,
Москва.

Если «Витязь» вы купили, Надо штангу завести: Богатырское усилие «Витязь» может завести! А еще вы убедитесь — Богатырским спит он сном — Понадеявшись на «Витязь», Вы проснетесь только... днем!

Видно, качество «проспали» Те, что делали детали, Собирали, Проверяли От винтов и до пружин, Те, что «Витязь» отправляли Для продажи в магазин...

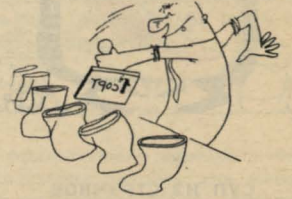
Нужен «Витязь» настоящий, А не этот жалкий гном — Плод труда «красавиц спящих» На Ростовском часовом!

Спрашивай — отвечаем

ЛЬЯНЫЕ СТАКАНЫ

ВОПРОС. Недавно я видела в продаже удивительные стаканы производства Песковского стеклозавода. Представьте: они какие-то кривобокие, я бы сказала, пьяные. К чему такая ненормальная форма?

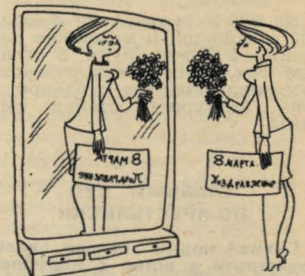
Л. КРАВЦОВА,
Винницкая область.

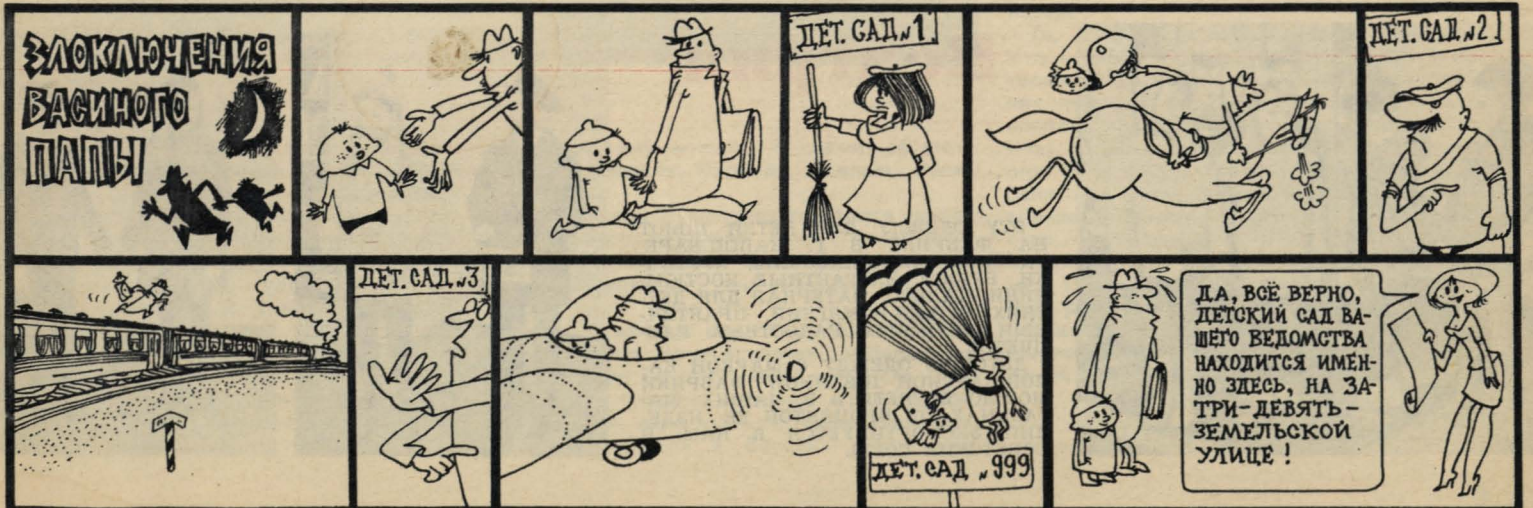
ОТВЕТ. Возможно, товарищ Кравцова, стеклозавод, влившись в борьбу с пьянством, решил выпускать соответствующую пьянцам посуду, чтобы при одном взгляде на нее возникало отвращение к пьянству. А может, ее просто по пьянке делали. Бывает!

Посоветуйте, как лучше всего поздравить женщин с праздником 8 Марта.

А. СЕНЬКИН,
г. Баку.

На этот вопрос мы попросили дать ответ начальника цеха ленинградского завода «Большевик» тов. Эльяшкевича Б. С. — Пригласите к себе дня за два до праздника пять-шесть женщин с хорошим почерком и распорядитесь, чтобы они писали поздравления остальным женщинам и друг другу. Мужчин не трогайте: пусть трудятся или «забивают козла». Мы так делаем который год, и все довольны. Мужчины. Не знаю, как женщины.

Угощает Венгрия

ВЕНГЕРСКАЯ КУХНЯ СЛАВИТСЯ ВО ВСЕМ МИРЕ. ПРАВДА, ВЕНГРЫ УТВЕРЖДАЮТ, ЧТО БЛЮДА, КОТОРЫЕ ГОТОВЯТ ПО ИХ РЕЦЕПТАМ В ДРУГИХ СТРАНАХ, НЕ СОДЕРЖАТ НИЧЕГО ВЕНГЕРСКОГО, КРОМЕ НАЗВАНИЯ. НО МЫ ВСЕ ЖЕ ПРЕДЛАГАЕМ ВАМ РИСКНУТЬ И ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ ЗНАМЕНИТОГО БУДАПЕШТСКОГО КУЛИНАРА КАРОЯ ГУНДЕЛЯ. ВСЕ РЕЦЕПТЫ ДАНЫ ИЗ РАСЧЕТА НА СЕМЬЮ В 6 ЧЕЛОВЕК.

СУП ИЗ СТРУЧКОВ
ЗЕЛеной ФАСОЛИ

Очищенную от жилок и нарезанную фасоль (можно консервированную) сварите в подсоленной воде с морковью и корешками петрушки, нарезанными кружочками. К муке, поджаренной на сливочном масле до золотистого цвета, прибавьте лук и петрушку и, помешивая, опускайте постепенно в кипящий суп. Покипит немного — заправьте перцем, сметаной, уксусом. В самом начале варки в кастрюлю можно положить мясо или кости и прибавить для вкуса немного чеснока.

На 600 г стручковой фасоли: 200 г моркови и корешков петрушки, 2 ложки муки, 3 столовые ложки сливочного масла, луковица, щепотка рубленой зелени петрушки, стакан сметаны.

ХЛЕБНЫЙ СУП
ПО-КРЕСТЬЯНСКИ

Сухие корки белого хлеба поджарьте в жире с нарубленной петрушкой и мелко нарезанным луком, затем залейте полутора литрами воды, положите соль, перец и доведите до кипения. Непрерывно помешивая, медленно влейте в суп три сырых растертых яйца. Этот суп по вкусу похож на мясной.

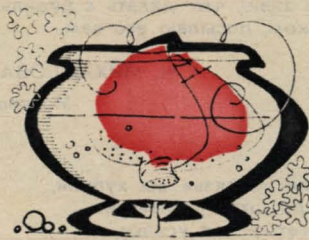
На 300 г сухих корок: 100 г жира, 3 яйца, 2 луковицы, 2 ложки соли, петрушка, щепотка красного перца.

ГУЛЯШ А-ЛЯ ЧАНГО

Мясо промойте и нарежьте кусками по 30—40 г. Нарезанный кружочками лук слегка поджарьте в жире, посыпьте перцем. Положите на эту же сковороду мясо и измельченный чеснок.

Когда мясо поджарится, добавьте немного воды и тушите на слабом огне, подливая воду. Через полтора часа положите предварительно промытую квашеную капусту, долейте еще воды (чтобы покрыла весь гуляш) и тушите. Когда мясо будет готово, засыпьте рис. Перед тем, как подавать, полейте сметаной, хорошенько перемешайте и выложите в глубокое блюдо.

На 1 кг говядины: 120 г жира, 2—3 луковицы, долька чеснока, 80 г риса, 15 г паприки (перца), соль, 1 г тмина, 200 г сметаны, 500 г квашеной капусты.

КОЧАННАЯ КАПУСТА

Вилоч свежей капусты нарежьте полосками и сварите в подсоленной воде с тмином. Когда капуста почти сварится, заправьте мукой, поджаренной с мелко нарезанным луком. Можно положить и мелко нарезанную петрушку.

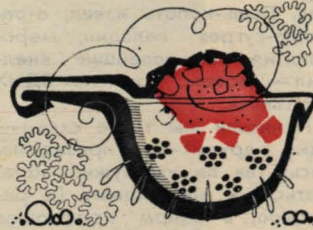
Это вкусное блюдо служит закуской или гарниром.

На 2 небольших кочана капусты: 2 луковицы, 2 ложки муки, столько же жира, соль, тмин, петрушка.

САЛАТ А-ЛЯ ГЕЛЛЕРТ

Хорошенько промойте свеклу и сварите ее в большом количестве воды. Очистите, нарежьте кружочками и снова положите в тот же отвар, приправив его специями. Через несколько часов выньте, нарежьте лопшой и полейте майонезом (в него можно добавить немного сливок, сахар, перец, лимонную цедру). Подавая на стол, посыпьте мелко нарезанной петрушкой.

На 2—3 свеклы (1,5 кг): две ложки сахара, 4—5 ложек столового уксуса, тмин, хрен, банка майонеза.

ТУРОШЧУСА

Смешав муку с яйцом, поселив и добавив немного воды, замесите тесто на доске, чтобы оно было упругим, но не слишком крутым. Дайте постоять, затем раскатайте лист толщиной около 2 мм. Отрывайте от листа неправильные кусочки размером 2—3 см, разбрасывая их по доске, чтобы не слипались. Сварите кусочки теста в крутом подсоленном кипятке, затем ополосните на дуршлаг, ополосните холодной водой, положите в ситечко с горячим жиром и грейте его несколько минут.

Подавая на стол, посыпьте протертым творогом, полейте холодной сметаной и украсьте шварками из нарезанного кубиками сала.

На 3 стакана муки: 4 яйца, 500 г творога, 300 г сметаны, 60 г (две ложки с верхом) жира или сливочного масла, столько же сала, соль.

БЛИНЧИКИ С КАПУСТОЙ

Сначала приготовьте капусту: на рубите ее, посолите, дайте постоять подольше (день-два). Разогрейте на сковороде жир, растопите немного сахара — так, чтобы он приобрел коричневый оттенок, а затем положите капусту, предварительно отжав ее руками, чтобы удалить рассол. Приправьте перцем и держите на огне, пока она не станет коричневой.

Приготовьте жидкое тесто для блинов (полстакана молока, столько же воды и муки, яйцо, соль). Положите в тесто тушеную капусту, хорошенько перемешайте и выпекайте блины. Если тесто получилось слишком густым, добавьте немного молока.

Вместо капусты можно взять мелко нарезанные свежие яблоки, посыпанные сахарной пудрой с ванилью.

ТВОРОЖНАЯ ВАТРУШКА
А-ЛЯ РАКОЦИ

Замесите тесто, выложите на противень и наполовину испеките в духовке. Затем на тесто положите творожную начинку и допекайте ватрушку до готовности. С помощью кондитерского мешка (либо просто бумажной воронки) положите поверх творога белки, взбитые с сахаром и ванилью. Поставьте еще на несколько минут в горячую духовку, чтобы белок подрумянился. Ватрушку разрежьте на порции смоченным водой ножом и подавайте, посыпав ванильным сахаром.

На неполный стакан муки: 100 г сливочного масла, 2 ложки сахарной пудры, 1 яйцо, 2 ложки сметаны, щепотка пищевой соды; для начинки: 600 г творога, неполный стакан сахарной пудры, ложка манной крупы, 3 желтка, полстакана сметаны; взбить 3 белка с 3—4 ложками сахарной пудры.

Рисунки И. КЛЕШКО.

ТВОРОЖНЫЕ ГАЛУШКИ

Протрите творог сывозь частое сито, смешайте с яйцами, манной крупой, мукой, сливочным маслом (100 г), щепоткой соли. Сделайте из этой массы круглые лепешки и сварите в крутом соленом кипятке. Подавайте очень горячими, обваляйте в поджаренных в масле тертых сухарях, полейте сметаной.

На 1 кг творога: 3—4 яйца, 5 ложек манной крупы, 200 г сливочного масла, полстакана тертых сухарей, 2 ложки муки, сметана, соль.

Показывает Венгрия

ЭТУ ОДЕЖДУ ДЛЯ ДЕТЕЙ ШЬЮТ НА ФАБРИКЕ В Г. КАПОШВАРЕ. УДОБНЫЕ КОМБИНЕЗОНЫ, КУРТОЧКИ, ВРУКИ, ЭЛЕГАНТНЫЕ КОСТЮМЧИКИ, ПАЛЬТО. МАТЕРИАЛ ДЛЯ ДЕТСКИХ ВЕЩЕЙ — МЯГКИЙ, ПРАКТИЧНЫЙ И САМЫХ РАДОСТНЫХ РАСЦВЕТОВ.

ДЕТСКУЮ ОДЕЖДУ С МАРКОЙ КАПОШВАРСКОЙ ШВЕИНОЙ ФАБРИКИ МОЖНО ВСТРЕТИТЬ В НАШИХ МАГАЗИНАХ: 25 ПРОЦЕНТОВ ЕЕ ИЗДЕЛИЙ ЭКСПОРТИРУЕТСЯ К НАМ, В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ.

РОЖДЕННЫЙ ДО СРОКА

«...У меня дочка родилась семимесячная — маленькая, в руки взять страшно. Пожалуйста, расскажите, как нам ухаживать за ней дома. И будет ли она такой же здоровой, как другие?» — пишет Ю. Яшугина из Павлодара.

Отвечает доктор медицинских наук Л. ПРОБАТОВА.

Родился ребенок... Раньше времени. Крохотный живой комочек. Ему бы еще расти да развиваться в теле матери, а здесь приходится приспосабливаться к внешней среде. А механизмы приспособления маленького человека к миру еще не успели до конца сформироваться. И это накладывает особую ответственность на окружающих. Даже самый небольшой просчет в уходе, небрежность, простая неаккуратность может повредить малышу и стать причиной заболевания. С первого дня, с первого часа в семье должно стать законом: убирать помещение только влажным способом не менее трех раз в день, проветривать комнату 3—4 раза в течение суток, лучше всего в те часы, когда ребенок спит; ежедневно стирать, кипятить и проглаживать горячим утюгом пеленки, распашонки; ежедневно мыть горячей водой с мылом клеенку; бутылки из-под молока, соски, пустышки, пипетки кипятить после каждого употребления.

Общезвестно, что недоношенные дети быстрее заражаются инфекционными заболеваниями и тяжелее их переносят. Это и понятно: организм еще слабый, защитные реакции не сформировались. Вот почему ни в коем случае нельзя целовать малыша в губы, допускать к нему больных. Ну, а как быть, если заболела сама мать? Выход один: носить марлевую повязку в несколько слоев, надежно закрывающую нос и рот.

Микробы легко проникают даже в самую маленькую царапину; в openness и вызывают гнойничковые заболевания, поэтому тщательно следите за чистотой кожи ребенка, оберегайте ее от повреждений. Если у ребенка мокнет пупочная ранка или появился на коже гнойничок — немедленно к врачу.

У недоношенных детей плохо регулируется температура тела, они легко перегреваются и охлаждаются. Помня это, следите, чтобы температура воздуха в помещении была не меньше 24—25°, а когда вес ребенка достигнет 4 килограммов — 22—25°. Для страховки время от времени потрогайте ноги и носик малыша: если они холодные, оденьте его потеплее, чтобы не простудился. Но вот мать замечает, что ребенок покраснел, «горит» весь, плохо ест. Ставит градусник — 37,5°, а то и выше. Не спешите пугаться и звонить в «неотложку». Снимите одеяло и оставьте малыша на 10—15 минут в одной пеленке. А теперь снова измерьте температуру. Если она нормальная, ребенок здоров, просто его слишком тепло одели. Если же осталась повышенной, вызывайте врача.

Приготавливая воду для купания, следите, чтобы она была не холоднее 37°. Погружайте малыша всего, так, чтобы над водой была лишь головка. После купания окатите

его заранее приготовленной теплой водой и заверните в согретую пеленку и одеяло. Так, не разворачивая, и вытирайте легкими движениями.

Часто родители долго боятся вынести недоношенного ребенка на улицу. Осторожность, конечно, нужна, но разумная. Свежий воздух так же нужен ребенку, как еда, сон. Поэтому не отказывайте ему в гулянии. В теплую погоду, при температуре воздуха выше +10°, можно выносить ребенка на улицу с первых же дней. Другое дело зимой, в мороз: придется первое время ограничиться форточкой, раскрытой во время сна. А через два месяца, когда вес малыша достигнет 2 800—3 000 граммов, можно вынести его на улицу, конечно, если температура воздуха не ниже —10°. Первая прогулка должна быть всего пятнадцатиминутной. Затем постепенно, в течение 7—8 дней, увеличивайте ее до часа, гуляйте два раза в день.

Несколько советов о кормлении недоношенного ребенка. Дело это нелегкое. Бывает, что малыш сосет вяло, быстро устает и засыпает. Вот мать и держит его у груди час, а то и больше. Между тем процедура кормления никак не должна продолжаться дольше 30 минут. Чтобы узнать, достаточное ли количество молока высасывает за это время ребенок, надо взвесить его в детской консультации до и после кормления. Если выяснится, что малыш недоедает, докармливайте его из соски. Причем докармливать кефиром или смесью из коровьего молока можно только с разрешения врача и желательно не раньше, чем через 1,5—2 месяца после рождения ребенка. Если у матери мало молока, придется пока пользоваться донорским.

В дальнейшем новую пищу вводите постепенно, добавляя по 5—10 граммов к грудному кормлению. Но когда малышу исполнится 4 месяца, ему нужно каждый день давать манную кашу, овощные пюре, мясо независимо от того, есть ли молоко у матери. Не забывайте, что новая пища гораздо сытнее грудного молока, ребенок много ее съесть не может. И заставлять его не надо, иначе вызовете отвращение к еде, а потом будете жаловаться на плохой аппетит ребенка.

Все недоношенные дети нуждаются в витаминах, особенно С, В₁, В₂ и Д. Витамины С, В₁ и В₂ можно давать уже с первых дней жизни, а витамин Д — с двухнедельного возраста. Но без совета врача, конечно, и здесь не обойтись.

Часто приходится слышать от матери: «У меня молока достаточно, ребенок сосет хорошо, а поправляется плохо, потому что срыгивает». Когда ребенок очень жадно сосет, вместе с молоком он заглатывает воздух. Это и вызывает срыгивания. Через 5—10 минут прервите кормление и подержите ребенка вертикально, чтобы он отрыгнул воздух, а затем вновь продолжайте.

Что и говорить, много хлопот приносит недоношенный ребенок. Но труды окупаются сторицей: если растить малыша, выполняя советы врачей, он уже на первом году жизни догонит своих «доношенных» сверстников. Доброго ему здоровья!

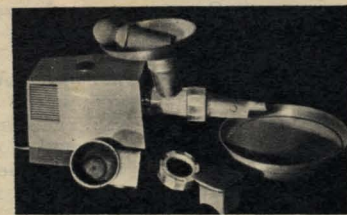
ОБЕД ЗА ПОЛЧАСА

Кастриюлю - скороварку начал выпускать саратовский завод «Генератор».

Она красива и удобна. Неагрегающаяся ручка служит одновременно и приспособлением для открывания крышки. Но главная заслуга кастриюли-скороварки в том, что мясо в ней можно приготовить за 25 минут, а курицу — вдвое быстрее; чтобы сварить картофель, довольно и семи минут. У продуктов, приготовленных в скороварке, выше питательная ценность, лучше вкус.

Объем кастриюли — 3 литра, цена — 14 рублей.

НОВИШКИ

«МАСТЕРИЦА НА ВСЕ РУКИ»

Так говорят об универсальной электрической кухонной машине Латвийского завода по переработке пластмасс (г. Олайне). Она невелика (немногом больше мясорубки), а может и мясо порубить и овощи шинковать, разделить тесто, натереть сыр, приготовить фруктовую пасту... Правда, все в небольшом количестве (на семью в 3 человека). Машина выпускается для включения в сеть с напряжением 220 вольт. Стоит около 30 рублей.

И СОЛЬ И ПЕРЕЦ

Забавный пингвиненок приятно выглядит на столе. Но это не безделушка: в него насыпают и соль и перец. Такой прибор начал выпускать московский машиностроительный завод «Коммунар». Цена его — 2 рубля 70 копеек.

ЦВЕТЫ НЕ ЗАВЯНУТ

Необычные балконные ящики для цветов. Легкие, жизнерадостных расцветок, они удобны тем, что позволяют поливать цветы не каждый день. Специальное устройство — резиновая трубка с воронкой сверху — постепенно подает воду к корням растений. А потому и балкон всегда чист и цветы не вянут. Ящики эти можно подвесить (прилагаются крюки), можно и поставить внизу. Цена одного ящика — 5 рублей.

А. ЧЕРНЫШЕВА

НОВИШКИ

ХЛЕБ — ВСЕМУ ГОЛОВА

Так говорят в народе, выражая этими словами глубокую признательность и любовь к самой насущной нашей пище. Хлеб не приедается, без него невозможно представить себе не только каждодневный наш обед, но и жизнь вообще.

Подсчитано, что взрослый человек должен съесть в день примерно 500 г хлеба (300 г черного и 200 г белого), а при тяжелой физической работе — 800 г. Людям, склонным к полноте, придется ограничиться 300—200 г, но никому нельзя отказываться от хлеба вовсе.

Самым полезным врачи считают ржаной хлеб, а также пшеничный из муки грубого помола: в этих сортах много витаминов группы В и ценнейших минеральных солей, необходимых для здоровья и работоспособности. К тому же грубая клетчатка, которой много в таком хлебе, полезна для пищеварения. Однако людям, страдающим воспалительными процессами желудка и кишечника, полезнее белый хлеб.

Только что выпеченный хлеб свободен от всяких микробов, в том числе и болезнетворных. От загрязнения предохраняет его и наружная корочка — блестящая, довольно прочная, но если вы сомневаетесь в чистоте хлеба (несли его в открытой авоське или вместе с другими продуктами — мало ли что!), то прогрейте в духовке или на плите в закрытой посуде. Обжигать хлеб прямо над

газом не рекомендуется: в открытом огне есть вещества, вредные для здоровья. Вообще же возьмите за правило всегда иметь в сумке специальный чистый мешочек для хлеба — матерчатый, бумажный, целлофановый, а еще лучше — полиэтиленовый.

Не покупайте слишком много хлеба: от долгого хранения он теряет вкус, может заплесневеть.

Слишком свежий, только что из печки хлеб тоже не очень хорош для еды: плохо разжевывается, скатывается в комки, которые трудно пропитываются пищеварительными соками, а значит, хуже перевариваются. Особенно вредны слипшиеся комки горячего ржаного хлеба, они могут вызвать даже расстройство пищеварения. Людям, страдающим заболеваниями желудка, полезнее есть вчерашний или слегка подсушенный хлеб.

Держите хлеб подальше от других продуктов, особенно пшеничный и ржаной: когда они вместе, белый хлеб легко воспринимает запах черного, теряет вкус. Лучше всего выделить для хлеба закрытую эмалированную кастрюлю — конечно, ее придется хорошо мыть и высушивать. Можно использовать пластмассовую посуду, полиэтиленовые мешочки. Толстые, окрашенные в разные цвета полихлорвиниловые мешки для хлеба не годятся.

В старину считалось тяжким грехом выбросить хоть

маленький кусочек хлеба. Не забывайте об этой доброй народной традиции, рожденной уважением к человеческому труду.

Черствый хлеб можно «освежить», приготовить из него вкусные блюда. Заверните булку в слегка увлажненную чистую салфетку, положите в кастрюлю, закройте крышкой и поставьте на несколько минут в нагретую духовку или печь — хлеб станет мягким.

А вот несколько блюд, которые можно приготовить из позавчерашнего батона: бутерброды из поджаренного хлеба с ветчиной и луком, колбасой и помидорами, паштетом, жареными почками, вареньем, сиропом; яичница с белым хлебом; пудинг и бабка из белого хлеба с яблоками. Ломтики пшеничного хлеба подсушивают в духовке до образования слегка румяной корочки, тогда они аппетитны и приятны на вкус. Эти гренки, нарезанные мелкими кусочками, подают к бульону, супу-пюре, моркови с горошком, шпинату, пюре из свеклы.

Из тонко перемолотого сухого хлеба делают панировочные сухари, в которых обваливают котлеты, мясо, рыбу, овощи перед тем, как жарить.

Пригодится и черный хлеб — попробуйте, например, яичницу с ним. Черные соленые сухарики подают к борщам, а сухарики сладкие (хлеб, смоченный сиропом и высушенный) — к чаю. Из высушенного черного хлеба готовят квас.

З. КОЧЕТКОВА,
инженер-технолог

На первой странице обложки: Дуэт Луничевых. Анастасия Ивановна работает в швейном ателье, ее дочь Наташа — в школе кулинаров. Обе они активные участницы самодеятельности Дворца культуры имени В. И. Ленина в Казани.

На четвертой странице обложки: Будапешт.

К этому номеру дается бесплатное приложение: выкройки сарафана и жилетов, аппликация для юбки.

Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА.

Редакционная коллегия:

Н. С. БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ,

В. П. ВЫСОЦКИЙ, В. А. ГЕРАСИМОВА,

М. Н. КОЗЫРЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО,

Е. Д. МИШИНА, З. Н. ТИМОФЕЕВА

[зам. главного редактора].

Адрес редакции:

Москва, А-15, ГСП, Бумажный пр., 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:

промышленного — 250-11-72; между-
народной жизни — 250-12-30; литера-
туры и искусства — 250-12-30; семьи и
быта — 250-11-93; науки и антирели-
гиозной пропаганды — 253-30-76; худо-
жественного оформления — 253-34-79;
писем — 250-57-38; массовой работы —
250-44-80; зав. редакцией — 253-30-05.

Сдано в набор 30/1-1970 г.
А 03942. Подписано к печ. 26/II 1970 г.

Формат бумаги 60 × 92¹/₂.

Усл. печ. л. 5,43. Уч.-изд. л. 9,56.

Тираж 490 000 экз.

(1-й завод: 1 — 10 877 700 экз.).

Изд. № 618. Заказ № 446.
Ордена Ленина типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Оформление художника
Я. Е. МИРОШНИЧЕНКО.

Технический редактор
Т. Н. ЖУРАВЛЕВА.

ЖИЛЕТЫ

В этом году снова вошли в моду жилеты. Они удобны и в повседневном костюме, и в спортивном, и в нарядном. Носить их могут женщины всех возрастов. Жилеты хороши еще и тем, что форма их, материал, отделка могут быть самыми разнообразными.

1. Жилет закрытый, удлиненный, чуть прилегающий спереди, с карманами в боковых швах. Ткань — однотонная или фактурная шерсть. Можно носить и без пояса, подойдет для всех размеров.

2. Жилет для улицы, носится со свитером. Ткань плотная. Отделка — декоративная строчка и пуговицы. До 50-го размера.

3. Этот жилет может быть из сукна, плотной ткани. Пояс втачной, карманы под клапанами, отделка — строчка. До 48-го размера.

4. Такой жилет — длинный, прямой — подойдет любой женщине. Он из плотной ткани, отделан по пройме и полочкам подкройными широкими бейками из основной либо отделочной ткани или из трикотажной «резинки». Ткань может быть гладкой или фактурной (клетка, полоска, елочка).

5. Если такой маленький жилет сделать из яркого сатина на подкладке и простегать (на тонком ватине, фланели или трикотаже), он будет очень «уютным» для дома. Хорош этот жилет с однотонной юбкой и свитером. Но сшитый из ткани с люреком, он станет нарядным дополнением к вечернему платью из шерстяного крепа. До 50-го размера.

6. Для молодежи можно рекомендовать жилеты яркие, отделанные сутажем, вышивкой, цветными карманами или аппликацией. Они вполне сочетаются с современной одеждой.

7. Длинный жилет и юбка из черного шерстяного крепа выглядят не менее элегантно, чем костюм. Туалет этот можно бесконечно разнообразить, меняя блузину.

Рисунки Н. ГОЛИКОВОЙ.

